

УЮТНАЯ ИМПЕРИЯ

АННА
ПЕЙЧЕВА

Кабан и слузи

ИЩЕЙКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ | КНИГА 4

Анна Пейчева

Кабан и смузи

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69281101
SelfPub; 2023*

Аннотация

Пассажирский самолёт идёт на экстренную посадку. На борту чрезвычайная ситуация! Что случилось с пилотом? Разберутся Ищейки Российской империи. Если только сами не угодят за решётку... Кажется, Лиза оказалась в опасности после знакомства с ретивым спецагентом Третьего отделения Платоном Шварцем. Серия "Уютная империя", цикл "Ищейки Российской империи", книга 4. Главные герои цикла – агенты 7 Отделения личной канцелярии Ее Величества, расследующие преступления против животных. Работают ищейки весело и непринужденно, а живут в чудесной альтернативной России, где над Исаакиевским собором проносятся левитационные поезда, 3D-принтер печатает женские шляпки, а отец императрицы собирает экипаж для полета на Марс. Вместо магии в этом мире – могущественные технологии, приправленные очаровательными традициями XIX века. А права самых маленьких питомцев так же важны, как и права человека.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	28
Глава 5	38
Глава 6	50
Глава 7	63
Глава 8	74
Глава 9	82
Глава 10	92

Анна Пейчева

Кабан и смузи

Глава 1

22 декабря

Когда что-то дают бесплатно, думала Лиза, обливаясь потом, – надо брать. Даже если это изматывающие занятия на тренажерах. Крутить педали ей абсолютно не хотелось, нетренированные мышцы горели, однако волшебное слово «ХАЛЯВА» заставляло снова и снова истязать себя на дурачком, прибитом к полу велосипеду.

Особенное раздражение вызывала расслабленная фигура Авроры. Пухлая программистка полулежала на выключенной беговой дорожке в позе одалиски с гобелена из кабинета шефа. Роль кальяна, неперемного атрибута любой порядочной персидской наложницы, играл сверхмощный лэптоп производства фирмы «Владычица Морская», а вместо прозрачного шифона и блестящего атласа Аврора была облачена в очередной эксцентричный костюм: на голове мохнатый розовый обруч с ушками; объемная футболка с фруктово-ягодными мотивами; полосатые штаны настолько свободного покроя, что они уже могли считаться юбкой; и грубые ботинки,

обшитые кружевами нежного цвета бутонов вишни.

Вокруг было довольно много агентов из других Отделений Личной Канцелярии, мужчин и женщин, за десять дней службы Лиза кое-кого уже стала узнавать в лицо, часто кивали и ей. На пеструю кучу тряпья по имени Аврора никто из коллег не косился, видно, привыкли. Или просто предпочитали заниматься своей жизнью... А не паразитировать на чужой, как это было принято на прежней Лизиной работе. Ее клинику отапливали горячими сплетнями, раз уж батареи были вечно холодными.

– Какого ноотропа... фух... ты вообще сюда явилась, если... уфф... не занимаешься? – сердито спросила Лиза, наматывая второй десяток километров на электронном одомере.

– А мне нравится смотреть, как вы, лузеры, колбаситесь. Ваши мучения меня вдохновляют. Оч прикольно, – лениво отозвалась Аврора, тыкая одним пальцем в «пробел». – Моему-то виртуальному Кондратию параллельно, как я выгляжу. Вы же, пещерные люди, ищите пару среди себе подобных. Качаетесь, чтобы обольстить партнера мускулами. Питекантропы, блин еловый!

– Лично я... уффф... качаюсь не поэтому... уфф-фуу... а чтобы пробудить аппетит. Наверху же бесплатное кафе! – Лиза на секунду прервала движение. – Чем больше потрачу калорий, тем больше в меня влезет пирожков! Фух... Продолжим!

– Мда, Лиззи... – Аврора подняла взгляд от монитора и покачала пестрой головой с плюшевыми ушками. – Ты точно не от мира сего. Могла бы хоть для приличия сказать: вот, типа, я забочусь об экологии, ведь этот велик подсоединен к энергосистеме здания. Каждый оборот педалей дает свет и тепло мне и моим коллегам. Что-то вроде этого.

– Плевать мне на экологию, пирожки важнее... Уффф... Нет, ну правда, невозможно же сосредоточиться, когда ты тут разлеглась, как мопс на солнцепеке.

Лиза, кряхтя, слезла с жесткого седла велосипеда и без сил рухнула на беговую дорожку рядом с Авророй.

– Кота своего дашь для испытаний? – между делом спросила Аврора, перестав забавляться с «пробелом». По экрану стали порхать стайки сложных формул.

– В смысле?

– В прямом. Кого в космос запустили перед человеком?

– Ээ, Белку вроде.

– Блин еловый, все время забываю, что у вас там всё по-другому. Что за лузеры придумали грызуна в ракету посадить? – Аврора перекатилась на живот, хлестнув Лизу по лицу кудлатыми цветными прядями. – В нашем – нормальном – мире в космос первым полетел поросёнок.

– Святые трициклики! – Лиза изумленно уставилась на Аврору. – Почему именно поросёнок?

– Вот ветеринар – а не в курсе, что ДНК свиньи почти совпадает с человеческой. – Аврора неодобрительно покача-

ла мохнатыми ушками на обруче. – Включи головку, Лиззи. Поросянка у нас с тобой нет, но хотя бы на коте телепорт отработаем. Про теорию струн вообще хоть что-то слышала, дерёвня? Черные дыры для тебя – пустой звук? Блин еловый, по глазам твоим близоруким вижу, что да. Ты ведь даже не понимаешь, какой это прикольный каламбур, чёрная дыра – пустой звук... А скрытые измерения? Нет? Скрытое от тебя понятие? Ну есесьсно. Короче, Лиззи. Дай кота, пока никто не пострадал. Ты же не хочешь, чтобы в процессе тебя разорвало на гравитоны?

Лиза не знала, что такое гравитоны, но подозревала, что быть на них разорванной – процедура не из приятных. Однако и Пусе – бестолковому, но родному – такой судьбы она не желала.

– Уж очень легко ты, Аврора, готова принести в жертву бедненького котятку. – Лиза поглядела на программистку с большим подозрением. – Не очень-то современные взгляды. Зоозащитники ваши вон зоосад целый закрыли, берегут, видите ли, чувства зверей, а ты, не моргнув глазом, предлагаешь растерзать Пусятину на мелкие гравитоны! Руки прочь от моего пушистика! Сама ты после этого пещерный человек.

– Господь Бот с тобой, Лиззи, скажешь тоже! – фыркнула Аврора всем своим круглым телом, отчего тряпки, игравшие роль ее одежды, взметнулись вверх. – Животные – это такой же архаизм, как и мускулы. В электронном будущем им де-

лать нечего. А то еще все микросхемы шерстью забьются.

– Ясно. Готова поставить на кон свой диплом ветеринара, что никакого питомца у тебя и в помине нет.

– Вот и выкини свой фейковый диплом, – удовлетворенно заявила программистка. – В урну только выкини, не на тротуар. Есть у меня питомец. И очень прикольный.

– Дай угадаю. – Лиза приподнялась на локтях. Мышцы предплечий немедленно заныли. – Это явно должно быть что-нибудь экзотическое. Питон? Или, скажем, дождевой червяк? Нет! Знаю! Голографический жираф. Ну, угадала?

– Ха! Второй фейл за десять сек. У меня питомец – камень.

– Какой еще камень? – поразилась Лиза.

– Обыкновенный. С Черного моря. У тебя вот котяра какой породы?

– Есть в нем нечто сибирское... Но вообще-то никакой. Беспородные мы.

– А мой красавец – древней породы «галька морская», – с материнской гордостью сообщила Аврора, задрав нос-картошку. – Крупный экземплярчик! С черепаху размером. благородного серого цвета, как плащ нашего графа. Он у меня в картонной коробке из-под лэптопа живет. Камень, а не граф, конечно. Коробка с дырочками, чтоб не задохнулся.

– Это же просто курам на смех, – с огромным, прямо-таки вселенским скепсисом в голосе сказала Лиза. Как ветеринар она была оскорблена в лучших чувствах. – И что ты с ним

делаешь, с камнем своим? Дрессируешь?

– А как же! – невозмутимо отозвалась Аврора. – Командам «сидеть» и «лежать» он у меня сразу выучился. Такой понятливый! «Фас» тоже знает, может при случае хозяйку защитить. С командой «голос» вот пока проблемы...

– Только не говори, что у него и имя есть.

– Пётр! – провозгласила Аврора. – В переводе с древнегреческого – собственно, «камень» и есть. Ласково – Пет-Рок.

– Может, ты еще и деньги за него заплатила?

– А как же! Жалованье за целый месяц отдала, и не жалею.

– Ну и дурасть, – не сдержалась Лиза. – Во имя парцетомола и аналогов его, ну что же может быть хорошего в питомце-камне?!

– Лучше спроси – что может быть плохого. Ответ – ничего. Он никогда не заболит и не умрет, – сердито сказала Аврора, не глядя на Лизу. – В отличие от любых других домашних животных. Тебе ли не знать, блин еловый.

Лиза вспомнила все те случаи, когда ей приходилось усыплять больных и старых пациентов, и промолчала.

– Я и Пет-Рока завела, только чтобы в Семёрку устроиться, – прибавила Аврора. – Правила обломные. Каждый агент нашего Отделения обязан иметь какую-либо скотинку. Считается, что за защитник животных без питомца! Короче, сплошной палеолит кругом. Апгрейдить всё общество нужно.

– Ну в принципе, логичное правило... А какие животные у наших коллег?

– Да уж самые что ни на есть ламерные, аж стыдно за них. – Аврора принялась перечислять, загибая пухлые пальцы: – У Петровича – курицы. Они в его генном шорткоде прописаны. Он из семьи фермеров. У графа – русские борзые... Парень с претензией. Макс Абрикосов, городской, лет сто уже мечтает перейти к нам на повышение, так даже фенька себе прикупил – лисичку с прикольными ушами... Он и то пооригинальнее тебя будет, бейби. Банальнее питомца не могла найти?

– Да на моего Пусюху вся ваша хваленая империя молится! – справедливо возмутилась Лиза.

– Короче, дашь кота для испытаний или нет? – опять взялась за свое Аврора.

– А кто тогда будет ваши Скатерти-Самобранки когтями драть? Исключено. От усыпления во цвете лет его спасла, от гибели под винтом квадрокоптера спасла, и от разрыва на гравитоны спасу, – торжественно поклялась Лиза.

– Вот репка в кепке, – вздохнула Аврора. – Хоть белку тогда найди какую для бета-теста. – Она снова уткнулась в свой лэптоп, пощелкала клавишами: – Сколько ты весишь?

– Эээ.. Шестьдесят три, если верить Разумному Душу в моей ванной. – Лиза заставила себя принять сидячее положение. – Слушай, а как отключить постоянное измерение веса во время мытья? Страшно раздражает. И вопли китов из

верхних колонок. Кого они хотят обмануть? Я все равно не поверю, что купаюсь в океане.

– И вот с такими ламерами приходится работать, – пожаловалась Аврора своему лэптопу. – Окей, потом зайду к тебе, отключу. Короче: сбрасывай килошку, как хочешь. Больше шестидесяти двух мне не переместить. А еще же кот, блин еловый... Сколько в нем?

– Килограммов пять будет, – уныло прикинула Лиза.

– Ну вот если собираешься и свою зверюгу тащить обратно – сбрасывай все шесть. А то, может, котика отдельно, первым бета-рейсом, а?

– Ни за что!

– Океюшки. Тогда полезай обратно на тренажер и забудь про бесплатные пирожки! – злорадно сказала Аврора.

Лиза со стоном собрала себя воедино, кое-как отлипла с беговой дорожки и поплелась к своему пыточному седлу, достойному войти в список необходимого оборудования испанской инквизиции пятнадцатого века.

Глава 2

Смелый Лизин план по водружению своей тушки на велосипед был прерван самым неожиданным образом. Перстень на ее руке, все еще изукрашенной полустертым автографом Ангела, внезапно ожил: интенсивно замигал красным и противоположно запищал.

– Что? Что происходит, во имя анальгетиков всех миров? – забеспокоилась Лиза, оглядываясь по сторонам. У всех присутствовавших в зале Перстни взбесились одновременно, мгновенно превратившись из изумрудных в ослепительно-рубиновые. Агенты синхронно прекратили занятия. Шумная тренажерка вдруг замерла.

– Красный код... – пробормотала Аврора, прислушиваясь к строгому голосу диктора в наушнике. – Бот всемогущий!

Одновременно экстренные новости зазвучали и в Лизиной ушной гарнитуре:

«Внимание, агенты Личной Канцелярии Её Величества и городовые Санкт-Петербурга! Срочный вызов в Гатчинский аэропорт. Только что, в 9 часов 11 минут 22-го декабря 2019-го года, произошла жесткая посадка пассажирского самолета «Беркут» Гаккелевских авиалиний, выполнявшего межконтинентальный рейс «Нью-Йорк – Санкт-Петербург» под управлением сэра Джима Пига. Требуется присутствие на месте событий следователей Третьего Отде-

ления, спецотряда городских, а также ветеринара Седьмого Отделения. Электронная подпись – начальник Личной Канцелярии Её Величества, действительный тайный советник, барон Конрад Карлович Ренненкампф».

– Ветеринара? Он сказал – ветеринара? – взволновалась Лиза. – Эх, жаль, Филипп Петрович в командировке, посоветоваться не с кем.

– В его отсутствие мы подчиняемся приказам Ренненкампфа, – подтвердила Аврора. – Тебе пора, бейби. Передай хэллоу янки.

– Наверное, на борту пассажиры с животными, – рассуждала Лиза, наскоро обтираясь полотенцем, – иначе зачем им ветеринар? Самолет, целый самолет едва не потерпел авиакатастрофу – Аврор, ты представь, какой шанс приподнять рейтинг родного Отделения! Это же общественное событие громадной значимости. Такими темпами, глядишь, мы получим допуск к климатическому оружию раньше, чем ты слепишь свою программу!

– Ха-ха-ха три раза, там же будут лучшие агенты Трёшки. Аврора кивнула на поджарых мачо, сорвавшихся со своих тренажеров и теперь обгоняющих друг друга на пути к выходу из зала. Вот кого надо было назвать Ищейками, подумала Лиза, а не нашу маленькую разношерстную компанию неудачников. Агенты Тройки, все до единого, словно сошли с обложек романов Рэймодна Чандлера, Джеймса Кейна и Дэшила Хеммета, отцов-основателей жанра американского

крутого детектива – второй большой книжной любви Игоря после мужского фэнтези.

– Эти лощеные буржуи не выстоят против беспринципной, готовой на всё соперницы, закаленной с самого детства в боях за чайник на коммунальной кухне. В роли кипящего чайника сейчас – кипящие лавой вулканы, тропические дожди и прочие климатические радости, – глубокомысленно изрекла Лиза. – Как пелось в песне Лебедева-Кумача, «по полюсу гордо шагает, меняет движение рек, высокие горы сдвигает советский простой человек». Вот увидишь, как я горы сдвину.

Она накинула на потную майку куртку, надоевшую хуже горькой редьки. Надо уже в концов обновить гардероб. Десять дней в одной одежде! Лиза дала себе зарок: если удастся сегодня продвинуться в Рейтинге хоть немножко вверх, завтра она пойдет в пассаж Ламановой. Кутить.

Пристроив на мокрые волосы неизменную красную шляпу, Лиза обратилась к Авроре, по-прежнему валявшейся на беговой дорожке, как сомнительная инсталляция не самого талантливого художника:

– Меня только одно беспокоит – как я доберусь до аэропорта?

– На вакуумке, есессыно. – Аврора пожалала пухлыми ягодными плечами. – В пределах города быстрее сообщения нет. Лиза стартанула к выходу, услышав напоследок:

– И не вздумай объедаться аэропортовской едой! Я в кур-

се, что она прикольная, но тебе надо худеть, бейби!

Глава 3

Дорога до Гатчины была долгой: целых пять с половиной минут. До дома Лиза добиралась за полторы.

Пристегнувшись к экокожаному креслу в вагоне вакуумки и положив на колени ветеринарный чемоданчик, доставшийся ей в наследство от Карла, Лиза сразу усталилась в экранчик, вмонтированный в подголовник впереди стоящего сиденья. Там крутили трейлер нового блокбастера под названием «Над прудом во ржи», про какого-то юного натуралиста, который очень хотел узнать, где зимуют утки. Неугомонный деревенский паренек всю осень прятался в высокой ржи возле ближайшего прудика, успел-таки нацепить на одну серую крякву опознавательное колечко, а затем отправился вслед за ней в удивительное путешествие по всему миру. После возвращения энергичный паренек ловко поступил в Санкт-Петербургский Императорский Университет на факультет биологии, где его тут же стали называть «вторым Ломоносовым». *«Новая экранизация знаменитого романа Давида Салингера, классика русской литературы XX века. Скоро во всех кинотеатрах мира»*, – сообщали титры.

Лишь через пару минут, пролетая над территорией Пулково, которая в этой реальности не имела ничего общего с аэропортом, а явно относилась к гигантскому комплексу

су астрономической обсерватории, Лиза хлопнула себя по лбу, прошептав: «Трициклик меня побери, это же альтернативный Сэлинджер!» Кажется, дедушка говорил, что предки писателя эмигрировали из Литвы после революции... Или незадолго до нее. Почему же тогда – «классик русской литературы», а не литовской? Может, Литва входила в состав Российской империи? В голову почему-то пришло смешное слово «Курляндия». Мда, Лизины «тройки» по географии и истории явно давали о себе знать.

Так или иначе, но, судя по трейлеру, фильм про деятельного юнната получился очень даже ничего себе, оптимистичный и забавный – в отличие от философского «Над пропастью во ржи». Лиза не отказалась бы от такой кинишки на досуге, потом вспомнила, сколько ей еще смотреть обучающего ветеринарного видео, и тяжело вздохнула. Нет, досуга у нее в этом мире быть не может. Нужно выкладываться по полной, чтобы поднять рейтинг Семёрки, получить доступ к неограниченному количеству дождя и свинтить отсюда домой. А там уже можно расслабиться сколько душе угодно и работать спустя рукава, как все нормальные люди.

Салингер-Сэлинджер навел ее на мысли о литературе альтернативного двадцатого века – ведь каждая до боли знакомая книжка, каждый выученный наизусть советский фильм имели здесь абсолютно другой сюжет. Если уж даже Маяковский тут стал лириком, как сообщил ей еще в самом начале Филипп Петрович, а Сэлинджер – величайшим позитивщи-

ком и душой компании, то что же случилось с Солженицыным? О чем писал местный Зоценко – всё равно про бани и трамваи или, скажем, про великосветские балы и венценосные интрижки? Какие здесь «Девчата» – если они вообще когда-либо снимались?

Неизвестно, до каких высот любомудрия дошла бы Лиза в своих рассуждениях, если бы миленький трамвайный звонок на стене – винтажный, в стиле начала прошлого века – не возвестил о прибытии вакуумного состава на станцию «Гатчинский аэропорт».

Двери поезда открывались сразу в шумное здание аэровокзала.

Какое там «Пулково»! Провинциальная почтовая станция девятнадцатого столетия – по сравнению с этой громадиной из стали, стекла и зеленых оазисов!

«Welcome to Gatchina airport. Now and forever: gotcha, baby!» – гласила впечатляющая надпись над всем этим упорядоченным хаосом, что Лиза, с ее скудными познаниями в английском, перевела примерно как: «Добро пожаловать в Гатчинский аэропорт. Теперь и навсегда: попалась, детка!»

Повсюду здесь творилось броуновское движение пассажиров. Люди самого разнообразного внешнего вида сновали на гироскутерах и самоходных стульчиках по ярко освещенным залам, катались на эскалаторах, скользили в лифтах. Пешком тут ходили мало и неохотно – в основном иностранцы, судя по обрывкам незнакомой речи. На многочисленных экранах

мелькали названия городов, номера рейсов, где-то крутили вездесущую рекламу, а в зале ожидания показывали кино. Тех, кто предпочитал другие способы настроиться на долгий перелет, ждали в комнате для йоги, о чём Лизе сообщили яркие указатели. Повсюду стояли трехмерные принтеры для распечатки еды.

А еще – цветы, цветы, множество цветов. Растения располагались продуманными тематическими группами, образуя различные зоны отдыха. Был тут японский сад с сакурой, бамбуком и сухим ручейком из белой гальки; среднерусский уголок мог похвастаться березками, деревянными лавками и декоративным стогом сена; австралийский зазывал посидеть в тени эвкалипта и пофоткаться на фоне колючей травы кенгуру.

Лиза, конечно же, сразу задумала отломить веточку у редкого эвкалипта. Хиленькому лимончику на ее подоконнике нужен товарищ! А какие растения лучше всего растут? Правильно, краденые! А уж эвкалипт-то грех не стащить – его ведь и в народе-то называют «бесстыдником», из-за его поразительного свойства раз в год сбрасывать собственную кору, открывая нескромным взорам зеленоватые, желтоватые, голубоватые разводы на обнаженном стволе.

Она бочком подкралась к ближайшему крепкому дереву с длинными ланцетными листочками, протянула изрисованную Ангелом руку...

– Стоп. – Лизино запястье перехватила железная мужская

ладонь. – Попалась.

– Что? Что такое? В чем проблема? Я ничего не сделала! – затараторила Лиза, пытаясь высвободить руку из стальных пальцев. – И вообще, я повелительница Святого Котца и особо важный агент особо важного Седьмого отделения Личной Канцелярии Её Величества, между прочим!

– Знаю. Потому и остановил. Чтобы не позорила Личную Канцелярию.

Жесткий обруч разжался. Лиза выдернула пострадавшую конечность и гневно посмотрела на обидчика.

Если бы у Конана-варвара был сын, и этот сын добыл бы себе в бою Разумный Перстень, научился бы говорить по-русски, постригся бы ежиком, нацепил бы на себя коричневые экокожаные штаны и такую же куртку в молниях и нашивках, – то этот воображаемый сын казался бы жалким хлюпиком, бледной копией того атлета, что стоял сейчас перед ней. Черты лица – будто высечены из гранита, который применялся при строительстве знаменитых петербургских набережных; ярко-синие глаза находились сантиметрах в тридцати над Лизой – а она и сама была не маленькая, в лучшие годы метр семьдесят, между прочим.

– А я вас видела, – с вызовом сказала Лиза, баюкая ноющее запястье, – в Доме Офице... то есть в Офицерском собрании. Вы в тренажерном зале живете, что ли? С «бабочки» не слезаете. Лавры «Мистера Вселенная» покоя не дают?

Атлет ухмыльнулся – словно трещины пошли по камню.

И удовлетворенно поиграл гигантскими мышцами, рельефными даже под теплой курткой.

– Бойкая девочка, – прогудел он. – Деревья портит, специальному агенту Третьего отделения хамит. Я сразу понял, что ты бойкая. Как только ты в нашей Канцелярии появилась.

– Ну прекрасно, – с сарказмом сказала Лиза, поправляя шляпу и досадуя на неожиданное препятствие в виде двухметрового бюстителя порядка. – Очень благодарна за столь изысканный комплимент и пристальное внимание к моей скромной персоне. Но мне срочно надо по делам. Чего вы вообще ко мне привязались?

– Задание: встретить тебя, Елизавета, – бесстрастно отозвался атлет. – И проводить к самолету. Вместе будем вести расследование.

– Кромоглициевая кислота меня побери! Достался робот на парники... – пробурчала Лиза, прикрывшись от великана широкой полой шляпы. – Только-только с графом Александром сработались... Почему бы нам его не вызвать? Он ведь тоже следователь!

– Фон Миних недостаточно квалифицирован. – Гранитное лицо потемнело, как петербургские набережные после дождя. – К этому делу допущены только лучшие. Он не лучший.

– Но-но, полегче! – предупреждающе вскинула руку Лиза. Граф Александр ее порядочно раздражал, но она не мог-

ла позволить всяким Конанам-варварам почем зря поливать грязью хрупкого, повернутого на поэзии юношу. – Кто вы такой, чтобы его оскорблять?

– Его бывший напарник. Платон Шварц. Хватит болтовни. Пойдем к «Беркуту».

По дороге к самолету Лиза буквально клещами вытянула из немногословного Платоши некоторые подробности его биографии. Отцом его оказался – ни много ни мало – Арнольд Шварценеггер, тот самый. Лиза разинула рот.

Австрийский бодибилдер и в альтернативном мире мечтал стать актером и грезил о кино. Разница между двумя реальностями заключалась в данном случае в том, что параллельная Россия сумела превзойти Голливуд в количестве и качестве снимаемых фильмов. Столицей мирового синемаатографа здесь считался отнюдь не Лос-Анджелес, а русский город Шепси, раскинувшийся вдоль побережья Черного моря. Сюда и прибыл херр Арнольд вместе со своим немецким акцентом и горой мускулов. Здесь он встретил свою фразу, работавшую специальным корреспондентом «Всемогущего» в Шепси, сказал с экранов знаменитое «Цзай-джен, баобей», местный аналог «Nasta la vista, baby», послужившее началом его блестящей карьеры в кино; а затем из рук предыдущего императора Николая Константиновича, отца Екатерины, женатого на актрисе, получил пост губернатора Черноморской губернии – а с ним и народное прозвище «Дядька-Черномор».

В отличие от Арнольда Густавовича, его сыночек категорически не желал жить в неверном свете софитов. Платон всегда знал, что хочет стать полицейским, чтобы ловить преступников. Он отучился на юридическом факультете и действительно стал им – и не просто рядовым городовым, а выдающимся агентом Личной Канцелярии. Ну, это с его слов, конечно.

– Выдающимся? – скептически переспросила Лиза. – Куда выдающимся? Вверх и вширь? Может, у вас хоть медаль какая имеется?

Медаль была бы, с горечью сказал Платон. А то и орден. Если бы не фон Миних, проваливший их совместное задание в Швейцарии. Какое задание? Секретное, разумеется.

– Я слышал, ты из Швейцарии, – прибавил Платон, глядя на нее со своей головокружительной высоты. – Ты не похожа на швейцарку. Я видел их. Ты другая. Откуда ты? Предупреждаю: ложь полицейскому – тяжелое преступление.

Лиза растерялась. До сих пор она как-то не задумывалась, что будет делать, если кто-то попробует копнуть ее легенду поглубже. Авроре она сама всё рассказала, а тактичный граф Александр никогда и ничего у неё не спрашивал. А тут – ба-тюшка миотропный бендазол! Какое пристальное внимание к её скромной персоне.

Повеяло проблемами. Большими.

Старый добрый блеф. Вот что ее спасет. Покерная юность, окутанная горлодерным сигаретным дымом. Тут же Лизе

нестерпимо захотелось курить. Угораздило же Пуську просочиться в мир, заикленный на экологии и здоровом образе жизни! Скукотища какая, фу. Так, прочь посторонние мысли! Надо собраться.

– А я, знаете ли, из параллельного мира, – сказала она с дурацким смешком, подразумевающим, что сия остроумная барышня изволили сострить. – Про теорию струн слышали когда-нибудь, Платон Арнольдович? Черные дыры, скрытые измерения, то-се... Оседлала дождевую тучку, прилетела в вашу империю из своей альтернативной реальности... Ну, как вам такой вариант?

– Невозможно, – рубанул ладонью воздух Конан-варв... то есть Платон. – Повторяю вопрос: откуда ты?

– Нет, ну а если на секунду вообразить, что всё так и было, что тогда? – невинно спросила Лиза.

– Я полицейский, а не сказочник, – отрезал Платон. – На случай инопланетных пришельцев есть инструкция. На случай пришельца-альтернативщика – нет. Следовательно, отнесём случай к разделу «Необъяснимые явления». Следовательно, место пришельца-альтернативщика – в лаборатории Императорской Академии наук. Следовательно, моя обязанность – доставить пришельца-альтернативщика в Академию под конвоем. Всё. Конец истории. Ты заявляешь о том, что ты пришелец-альтернативщик?

– Во имя висмута субгалата! Нет, конечно! – замахала руками Лиза. – Ничего я не заявляю! Нечего мне в дурацких

лабораториях Академии наук делать! Пошутила я. Пошутила. Понятно? Из Швейцарии я, из Швейцарии, не беспокойтесь.

Она принялась лихорадочно вспоминать подробности своей фальшивой биографии, выдуманной Филиппом Петровичем. Эх, надо было внимательнее слушать, а не как обычно! Придется дополнять по ходу своими выдумками:

– Родилась в Ленинвилле, в обычной швейцарской коммуналке с длинным коридором и велосипедами на стенках... Потом родителей распределили в колхоз на окраине кантона Энгельса... Там закончила ветеринарное училище имени Маркса, работала в колхозе, лечила коров, пока остальные колхозники косили люцерну, варили сыр с дырками, дерябали грушевый бренди до поросычьего визга...

Лиза наводила тень на плетень и радовалась: до чего складно и ладно выходит! А теперь – сочная вишенка на этом затейливом торте вранья, гениальное изобретение шефа:

– Я бы вам что-нибудь продекламировала на швейцарском, прямо сейчас. Скажем, классическую «Оду Революции одна тысяча девятьсот пятого года», или, допустим... – тут у Лизы закончились познания на тему современного культурного наследия Швейцарии, поэтому пришлось досочинить на ходу: – ...ну например, «Дядя Стефан – милиционер». Но вот загвоздка, Платон Арнольдич! Ваши же российские врачи, представьте себе, строго-настрого запретили мне говорить на родном языке. Говорят – психологическая травма

после побега с родины, нужно восстанавливаться. Ведь мне пришлось делать подкоп, ползти по-пластунски, а там червяки всякие, корни растений, осколки бутылок, сплошная антисанитария... – с воодушевлением расписывала Лиза, уже и сама готовая поверить в собственные небылицы.

– Где именно ты копала? Какая часть Швейцарской Стены? – допытывался Платон, хмурясь.

– Погодите-ка! Я что, на допросе? – запоздало спохватилась Лиза. На ее родине полицейским можно было всё, в том числе и задавать любые вопросы кому угодно, не имея на то никаких полномочий. Однако здесь правила игры были немного другими. – Трициклик меня побери, да я сама представитель власти! По какому праву вы меня мучаете? Может, у вас есть ордер на мой арест?

– Нет. – Платон, шагавший большими размеренными шагами, остановился – словно каменный идол с острова Пасхи в окружении суетливых туристов. – Но я должен знать. Это может быть связано с тем заданием.

– Каким? – не поняла Лиза.

– Которое я не сумел выполнить. – Лицо Платона вдруг потемнело от ярости. Сжались булавы-кулаки, на шее проступили канаты-вены, напряглись снаряды-мышцы под курткой. Лизе стало неудобно. Да уж, сыночек Терминатора производил сильное впечатление. Враги Платоши могут сразу бронировать себе номер в отеле «Вечность» по адресу: Небеса, улица Райская, дом номер сто миллиардов один. – Ели-

завета. Я должен знать, где подкоп.

– Ай! Ой-ёй-ёюшки-ёй-ёй! Голова закружилась! Травма! Психологическая травма дает о себе знать! – возопила Лиза, мгновенно найдя выход – такой же ненадежный, как и выдуманный ей гипотетический подкоп под Швейцарской Стеной. – А-а-а! Не могу... Голова, голова раскалывается... Нет, не могу!

Платон окинул ее недоверчивым взглядом, однако тему со Швейцарией закрыл и возобновил движение.

Глава 4

Торговая галерея (с автоматическими кассами, без продавцов) привела напарников в зал настолько гигантский, что в нем не отказался бы поселиться и сам султан Брунея. А то и какой-нибудь министр с Лизиной родины – ну не вице-премьер, конечно, осеклась Лиза, а глава какого-нибудь малоизвестного, незначительного министерства, скажем, по развитию технологий... или просвещения...

Зал отправления простирался вправо и влево, он был залит светом и гулом голосов. Повсюду колесили беспилотные машинки-тележки, похожие на гольф-кары. На них катались в основном люди постарше, молодежь предпочитала движущиеся резиновые дорожки – вроде той, на которой сегодня утром возлежала Аврора, только широкие и бескрайне длинные.

Вся эта земная предрейсовая суматоха оттеняла величие и невозмутимое спокойствие главных героев аэропорта – самолетов. Стеклопанельная стена зала отправления выходила прямо на летное поле, где эти блестящие гиганты жили своей непостижимой жизнью. Терпеливо ожидали очереди на взлет, медленно катились вслед за беспилотными автомобильчиками-проводниками, потом, утомившись следовать скучным земным правилам, резко разгонялись, взмывали и исчезали в низких зимних облаках.

Лиза узнала очертания «боингов» и «аэробусов», однако эти иностранные ребята выглядели довольно сиротливо на фоне многочисленных отечественных лайнеров. Никаких тебе банальных «тушек» и «иллюшек». Вместо них – необыкновенной красоты золотые орлы и деревянные корабли. Те, что разукрашены под древнерусские ладьи – солидные, тяжеловесные. Стилизованные под птиц – легкие, дерзкие, с острым носом-клювом.

Логотипы многих западных авиакомпаний были Лизе знакомы, поэтому она сосредоточила внимание на российских: вот затейливый серебристый росчерк «Сандро», где-то – строгая, будто из учебника надпись «ФМ: Формула Можайского», но чаще всего попадались алые рубленые буквы «Гаккелевские авиалинии».

Вдалеке что-то тяжело задрожало. Низкий гул нарастал, Лиза почувствовала его во всем теле, пробрало аж до самой селезенки, как на концерте в ночном клубе. И – неясный, но ощутимый взрыв, сопровождающийся красным всполохом на краю летного поля. Лиза слегка пригнулась и приготовилась бежать.

– Что это? Что происходит, во имя корвалола и тинктуры валерианы? – спросила она с легкой истерикой в голосе, пытаясь сообразить, как бы побыстрее выбраться из этого ненормально огромного здания. Погибать во цвете лет, да еще и в чужой реальности никак нельзя. Пуся! У нее есть толстый и глупый Пуся, который без нее пропадет.

– Штатная ситуация, – бесстрастно сообщил Платон, продолжая шагать по залу. – Запуск рейсового автобуса. На Луну.

Видимо, все это знали, кроме Лизы, поскольку леденящий душу запуск лунной ракеты никого не смутил, народ как ни в чем не бывало продолжал заниматься своими делами.

– Ах, на Луну маршруточка поехала! – нервно расчихкалась Лиза, семеня за каменным Шварцем. – Луна – это мы понимаем. Луна там, звезды всякие... Одна звездочка, две звездочки, а еще лучше – пять звездочек...

Платон неожиданно расхохотался. Рокочущий смех рождался где-то глубоко в недрах его необъятной груди и вырывался наружу небольшими взрывами, вполне сравнимыми по мощности с давешним стартом лунного автобуса.

– Пять звезд – это коньяк. Смешно. Люблю хороший коньяк. Сама придумала?

– А то! – горделиво расправила плечи Лиза. Кажется, она случайно наткнулась на Ахиллесову пяту непробиваемого суперагента: парочка умело подобранных цитат из классических советских фильмов вроде «Карнавальная ночь» – и они с Платошей будут просто-таки не разлей вода.

Тем временем, агенты подошли к широким дверям, увенчанным цифрами «2212». Возле дверей дежурили городовые в белых шинелях. Из гейта выливался поток взбудораженных пассажиров. В основном говорили на английском с американским акцентом. К сожалению, Лизино знание язы-

ка Шекспира и Бейонсе ограничивалось убогим школьным курсом, ставившим своей главной целью вколотить в детскую голову сакральную фразу «Ландан из зе кепитал оф Грейт Британ». Аврора ей говорила, что Разумный Наушник от Перстня должен автоматически переводить иностранную речь на русский язык, но Лизин Наушник ничего этого не умел – видно, ей, вечной невезучке, достался бракованный экземпляр. Поэтому сейчас она улавливала лишь обрывки:

– ...шикарные новогодние распродажи... лучшие цены на Перстни... хочу взять «Кольцо Марсианского Всевластия»...

– ...ага, сам Макс Фактор! Представляешь?!.. запись за два года... поверить не могу!.. Владелец компании дает мастер-класс по макияжу!.. Да, он праправнук того самого, первого Макса Фактора... Мне пойдут смоки-айз?... жду не дождусь!

– ...возьму Русско-Балт напрокат... до Одессы по хайвею сутки максимум... там штаб-квартира «натанов», и тестируют их там же, да... полигон с грязью, болотом, кострами... да, я и сам обожаю эти желтые ботинки, ты прав, я и сейчас в них... поручили заключить контракт на поставку «натанов» в Армию США...

– ...пятьсот книг, пятьсот! Написал пять сотен книг за семьдесят два года! Это по сколько получается? По семь книг в год, начиная с колыбели?... Мы взяли билеты на поезд-экспресс... его музей под Смоленском... там роботы

вместо гидов, конечно... А какой твой любимый роман Исаака Азимова?

– ...давно мечтал прокатиться на вакуумном трамвае... говорят, это «русские горки» нового поколения...

– ...столько читала о новом шоу Горыныча!.. говорят, его уже отправили на Комодо... вместо него на сцене плюшевый дракон... голограмму еще делают...

– ...Да! «Лебединое озеро»!.. Мариинский, разумеется... Я взяла красное вечернее платье... компьютерная анимация вместо декораций... пуанты с системой стабилизации балерины... а в этих пышных пачках – датчики движения... но главное – электронный буфет!.. Что? Нет, шампанское настоящее, но его приносит мини-дрон...

В разношерстной толпе показалось сплоченное си-не-красное ядро: команда подтянутых спортсменов в цветах американского флага. Национальная сборная США, гордо заявляли надписи на их куртках. Парни и девушки громко обсуждали предстоящие гонки... на лопатах, как поняла Лиза. «На лопатах? – подумала она. – Да вы что, издеваетесь?» Однако на спинах у ребят и правда были нарисованы лопаты, которыми снег убирают, – в тех мирах, где еще не придумали беспилотных дворников-тракторишек, конечно.

– Категорически приветствую, Лизавета! Обзавелась новым блестящим кавалером? Поздравляю с покупочкой, удачная! В магазине была акция – получи два метра по цене метра семидесяти? – слышался знакомый голос, и откуда-то

справа появился Максим Абрикосов собственной персоной. Вроде расслабленный, но в то же время и настороже. Болтать-то он болтал, однако при этом успевал зорко следить за толпой пассажиров. – Светлого утра, господин Шварц, – церемонно бросил он Платону.

– Светлого утра, сударь, – не менее церемонно отозвался тот.

– Макс! – обрадовалась Лиза. – Ты тоже здесь?

– По зову сердца, следовал за богиней в красной шляпе. – Макс молитвенно сложил руки, подмигнул ей, потом ухмыльнулся. – Плюс экстренный вызов от самого Ренненкампа. Охраняем злополучный рейс из Нью-Йорка. Только что начали выпускать пассажиров. Тех, кто может передвигаться самостоятельно, конечно.

Он кивнул в сторону стеклянной стены, сквозь которую был виден золотой бок «Беркута» с логотипом «Гаккелевских авиалиний». Под самолетом, на расчищенном от снега асфальте, столпились десятки голубеньких микроавтобусов с красными крестами на борту. Очевидно, местные «Скорые».

– Сколько госпитализировано? – отрывисто спросил Платон.

– Двенадцать человек. Ничего серьезного. – Макс махнул рукой. – Давление, нервы. Уж больно народ нынче впечатлительный пошел! Слегка их потрясло при приземлении – и нате вам, сердечный приступ. Мы на учениях в Академии

и пожесточе посадочки видали. Помнится, катапультируемся мы с высоты восемьсот метров, а наш командир арбузные цукаты жует. Любил, понимаете, цукаты до потери пульса!

– Макс, парацетомол тебя побери, а питомцы-то там как? Что со зверьем? – прервала поток воспоминаний Лиза. – Ведите меня скорее к пациентам!

– Эмм, Лизавета... – Макс переглянулся с Платоном. – Ни у кого на рейсе не было питомцев.

– Нет, ну как же надоело чувствовать себя дурочкой с переулочка... – пробурчала Лиза и повысила голос: – Так какого альбуцида меня сюда дернули? Я, между прочим, едва на ногах держусь после тренажерки.

– Твоя задача: обследовать пилота. Дать заключение о его психическом состоянии, – граммофонным голосом сообщил Платон.

– Я же ветеринар! – воскликнула Лиза.

– Знаю. Потому тебя и вызвали.

– Лизавета, не нервничай. Дело в том, что пилот сэр Джим Пиг – кабан, – сжалился над ней Макс. – Причем не в переносном смысле, а в буквальном. Это самая настоящая розовая свинья, с пяточком, хвостиком колечком и всеми делами. Тебя что, не предупредили? Что у вас там в Семёрке творится? Где Филипп Петрович?

– В командировке. Не поверишь – в Нью-Йорке, – мрачно ответила Лиза. – Улетел туда позавчера. Какие-то дурацкие лекции читать. Может, как раз ваша розовая свинья с

пятакком его туда и доставила. А Аврора, пупырка папавериновая, и не подумала меня ввести в курс дела. Кто вообще додумался назначить пилотом животное?

– Ха, была у нас одна забавная история... – Темные глаза Макса глаза игриво заискрились. – Джим – так звали бойфренда нашей восхитительной Императрицы, когда она была еще юной и свободной великой княжной. Потом паренек сделал большую глупость, бросил нашу чудную принцессу ради буфетчицы – так себе пампушка, откровенно говоря, Её Величество намного эффектнее. Я бы мог многое сказать о ее потрясных коленках, но, боюсь, этот вот дяденька, – он повел бровями в сторону непроницаемого Платона, – меня тут же и арестует. Словом, Екатерина Николаевна разозлилась и объявила на весь мир конкурс женихов. Выбирала будущего мужа в прямом эфире «Всемогущего», мы все не отлипали от экранов... Она давала кавалерам задания, они их выполняли. Одно из заданий было связано с поросенком, которого она из вредности назвала Джимом.

– И как же он стал пилотом? – Лиза всё ещё ничего не понимала.

– А это один из женихов решил пошутить. Сказал, что в современных самолетах стоят такие системы автопилотирования, что в кабину можно и поросёнка Джима посадить, ничего страшного не случится. Ну а «Гаккелевские авиалинии» зацепились. В самом деле приняли свина на работу.

– Ну и дураки безмозглые, – постановила Лиза.

– Почему же? – не согласился Макс. – Ты не представляешь, какой это был сильный маркетинговый ход. Все стали ломиться к ним на рейсы. Популярность шоу женихов ведь была астрономической! Эх, жаль, не прошел я кастинг. А ведь какой презентационный видеоролик про себя соорудил! Прыгал там по крышам, ловил преступников, и всё это с мужественной усмешкой и острым словечком. Шепсинские блокбастеры нервно курят в сторонке... Да, был бы сейчас Императором-консортом, а не простым унтер-офицером... Основал бы собственную синемастудию, скажем, «СинеМакс»... Да ладно, что уж теперь говорить. Подождем Высочайшего Развода! – оптимистично заключил Макс. – А там, глядишь, «Всемогущий» и новую свадебную передачку затеет наподобие «Великой княжны лайв»... Постой, Лизавета, а разве в Швейцарии не писали об этом в газетах? Под заголовками «Царская дочь на продажу», «Прогнившие нравы»? Я видел репортаж по телику, как brave швейцарские парни пытались вашу Стену перелезть, чтобы попасть на шоу.

– Ах да, теперь что-то припоминаю, – неуверенно соврала Лиза под пристальным взглядом Платона. – Царская дочь... Женихи... Да-да, определенно припоминаю... Просто нам в колхоз не все газеты вовремя доставляли... И там три коровы приболели, я их долго лечила, некогда было читать... Да и зрение у меня, знаете ли, так себе, не девочка уже, а в газетах буковки такие маленькие, лишний раз и не

станешь их рассматривать...

– Где экипаж? – Платон решительно прервал жалкие Лизины лепетания.

– Все ждут вас в кабине пилота, – доложил Макс. – В царстве сэра Джима Пига. Другими словами, – он задорно хихикнул, – в летающем свинарнике.

Глава 5

Меньше всего кабина пилота походила на свинарник. Если честно, Лизина родная коммуналка гораздо больше соответствовала определению «хлев», чем это блестящее, стерильное пространство с панорамными окнами, которые занимали большую часть полукруглых стен, обшитых панелями из матовой стали.

Главное, что поразило Лизу, – полное отсутствие обычных приборов управления. В кабине не было ничего, кроме круглого железного загончика с прикрученной к нему табличкой «Сэр Джим Пиг». За решеткой возился и похрюкивал здоровенный лоснящийся кабан. Кабан был очень похож на Лизиного начальника, главврача ее клиники, так же блеснул маленькими глазками и мотал толстыми брылями, только одет он был не в белый халат, а в мундир пилота – тёмно-синий, щеголеватый, с нашивками и логотипом «Гаккелевских авиалиний». Форменные брюки тоже наличествовали, с особой дырочкой для хвостика, достаточно просторные, чтобы под них можно было надеть великанские подгузники. В загоне было абсолютно чисто. Кабан во всем своем командирском великолепии отражался в полированном металле, покрывавшем пол. Копытца отбивали чечетку. Четвероногий летчик деловито урчал, поедая молодую морковь из синей пластиковой миски с фирменным значком авиакомпа-

нии.

Вокруг вольера оставалось достаточно места, чтобы вместить двух стюардов, одну стюардессу, парочку агентов Трёшки, постарше и помоложе, которых Лиза не раз встречала в тренажерке и кафетерии Офицерского собрания, а также стройную женщину необыкновенной красоты в винтажном платье. Агенты вполголоса беседовали со стюардами, темноволосая стюардесса в алой форме сидела на откидном стульчике в полной прострации – кажется, она даже не моргала, – а дама в платье задумчиво смотрела на ряды авиалайнеров за окном.

– Позвольте... – растерянно сказала Лиза, войдя в кабину вслед за Платоном и выглядывая из-за его экокожаной спины. – Чегой-то я не поняла. А где, простите, штурвал? Где, во имя вселенского корвалола, разные светящиеся кнопочки, джойстики, переключатели, стрелочки, которые обязаны быть в самолете? Где, в конце концов, мало-мальский дисплейчик с радаром? И потом, я слышала, у пилотов есть своя особая кофеварка, я бы от от эспрессо прямо сейчас не отказалась. Не успела после тренажерки, понимаете? Умираю хочу кофе, и хорошо бы еще с шоколадкой такой маленькой, квадратненькой, ну или с левашиком, тут есть левашки на борту?...

– Перед началом допроса агент обязан назвать свою фамилию и должность, – холодно пресек ее словоизлияния Платон. – Должностные инструкции ты не читала. Это очевидно.

Вывод: господин Шевченко распустил своих подчиненных. Полная анархия. Об этом будет доложено Ренненкампфу. Не позорь Личную Канцелярию. Представься.

– Ах да, пардон-пардон-пардон, – смутилась Лиза. – Пардон. Я Елизавета Андреевна Ласточкина, ветеринар Семёрки... Широкой публике я известна как одна из Ищеек, а также как мамуля одного пушистого святоши и большая поклонница колумбийского эспрессо... или любого другого, лишь бы погорячее и покрепче.

Стюарды дружно разинули рты. Агенты Тройки синхронно закатили глаза. Кабан хрюкнул. Дама в платье отвернулась от окна и с интересом посмотрела на Лизу. Впавшая в транс стюардесса никак не отреагировала на ее пламенное выступление.

Платон окинул взглядом всех собравшихся. Коротко стриженная голова поворачивалась медленно и внушительно, будто тяжелое артиллерийское орудие на шарнирах. Затем он веско произнес:

– Шварц. Платон Арнольдович. Старший агент Третьего отделения Личной Канцелярии Её Величества, Императрицы и Государыни Всея Руси, Великих Княжеств, Губерний и прочая, и прочая, и прочая, Екатерины Николаевны Романовой. Господа, – обратился он к коллегам, – прошу доклад.

– Платон Арнольдович, – с уважением начал тот, что постарше, – мы допросили экипаж. Картина вырисовывается следующая. Госпожа Фернанда Дельгадо, служащая на дан-

ном рейсе стюардессой, в соответствии со своим обязанностями в восемь часов двадцать пять минут принесла сэру Джиму завтрак – свежую морковь в миске. Когда госпожа Дельгадо приблизилась к сэру Джиму с миской в руке, тот, по ее словам, взбесился и напал на нее, попытавшись вырваться из загона. Госпожа Дельгадо отшатнулась, выронила миску в загон и ударилась плечом о стену. Если точнее – врезалась в кнопку тревоги, сигнализирующую о террористическом акте на борту. При нажатии кнопки автопилот запускает систему экстренной посадки. В результате самолет приземлился в аэропорту назначения «Гатчина» по ускоренному сценарию. Некоторые пассажиры получили незначительные травмы. Самая серьезная – попадание в глаза бананово-апельсинового смузи с медом. Остальные связаны с обострением хронических сердечно-сосудистых заболеваний на фоне стресса.

– Оба стюарда подтверждают показания госпожи Дельгадо, – добавил молодой агент, – они всё видели через открытую дверь. Плюс мы просмотрели съемки камер видеонаблюдения. Кабан действительно ни с того ни с сего набросился на госпожу Дельгадо.

– Принято. Мне нужны непосредственные участники инцидента. Прошу задержаться госпожу Дельгадо, – он посмотрел на чавкающего хряка, – и сэра Джима. Остальные свободны.

– Господин агент, если позволите... Я бы очень хотела

присутствовать при допросе Фернанды, – вступила в разговор задумчивая дама, вертя на пальце длинное жемчужное ожерелье. Примерно так Лиза представляла себе Анну Каренину. Что делала героиня Толстого, типичная светская львица, здесь, в суперпрогрессивном самолете, среди спецгентов и хрюкающего пилота, напавшего на стюардессу? – Я княгиня Зинаида Николаевна Юсупова... Председатель правления корпорации «Гаккелевские авиалинии».

Упс. Вот тебе, бабушка, и светская львица, подумала Лиза. Председатель правления – женщина? В корсете, вся в драгоценностях? С высокой прической и нежным голосом? В представлении Лизы, глава международной мегакорпорации – это пятидесятилетний дядька с портфелем, весь красный от осознания собственной значимости, орущий на своих вице-президентов и окруженный стайкой глупеньких длинноногих секретарш. А тут – «Война и мир» какая-то. Или откуда там Анна Каренина.

Видимо, даже каменное сердце Платона дрогнуло от взгляда сияющих синих глаз Юсуповой.

– Принято, – буркнул он. – Оставайтесь. До первого замечания.

– Благодарю, вы очень добры, – грустно улыбнулась Юсупова. Лет ей было сорок пять, не меньше, но от ее красоты даже у Лизы захватывало дух.

Агенты Трёшки вышли, захватив с собой бесполезных стюардов, в кабине остались только стюардесса Фернанда,

княгиня Юсупова, аппетитно хрумкающий морковкой сэра Пиг, Платон и сама Лиза.

– Итак. Елизавета. Сделай тест крови сэра Пига. Анализатор с собой? Гут. Проверь на бешенство и прочие заболевания. Оцени психическое состояние пациента. Насколько он опасен для окружающих. Думаю, сэр Пиг пойдет под суд по статье «попытка совершения террористического акта». Я усыпил бы его прямо сейчас. Но есть процессуальные нормы. От тебя мне нужно медицинское заключение. Приступай.

– Погодите, Платон Арнольдич, – запротестовала Лиза, всячески оттягивая неизбежный момент активации «Веретена». За все эти дни она так и не удосужилась разобраться с прибором. – Что-то тут не так. Свиньи – спокойные и умные животные. Не мог он без причины накинуться на человека, готова поставить на это свой диплом! Может, она ему в миску «Озверин» подсыпала.

– Название данного медицинского препарата мне неизвестно. Были в миске посторонние примеси или нет – прояснит анализ крови. Запускай «Веретено», Елизавета.

– А я все-таки хочу сперва задать один очень важный вопросик вот этой вот сударыне. – Лиза повернулась к стюардессе, сгорбившейся на неудобном стульчике, и строго спросила: – Куда вы дели штурвал и всё остальное? Продали спекулянтам? Да-да, я знаю, как всё было! Она наверняка прятала отвертку в рукаве, чтобы открутить тут все приборы. А потом с выгодой толкнуть перекупщикам, которые за-

гримировались под пассажиров. А Джим, молодчага, почув-
ял неладное, и набросился на нее! Свиноумник, хороший
мальчик, хотел предотвратить преступление! Общайте-ка
ее, Платон Арнольдич, где она отвертку прячет? И кому про-
дала штурвал, надо выяснить! Задержите всех пассажиров!
У кого в сумке штурвал? Хотите, я к Максусу сбегаю, попрошу
его устроить рейд? Объявим план-перехват. А, Платон Ар-
нольдич? Так, нам нужен список всех, кто был на борту. Эх,
упустили мы их, по Одессам да Смоленским теперь отлавли-
вать... Ну, я побежала? Одна нога здесь, другая там...

– Стоп.

Лицо Платона не предполагало возражений. Однако Лиза
так загорелась собственной идеей, что уже взялась за ручку
двери, чтобы немедленно мчаться командовать городскими
и разыскивать по всей империи гипотетический штурвал.

– Сударыня... Вы находитесь во власти заблуждения... –
мягко обратилась к ней княгиня Юсупова. – В этой кабине
никогда не было привычных приборов. Это же межконтин-
ентальный «Беркут». Новейшая разработка... – Она при-
села в своем многослойном платье и приложила руку к по-
лу. На тонких пальцах сияли старинные кольца, усыпанные
бриллиантами и драгоценными камнями, среди них тускло
отблескивал гладкий Перстень-Разумник, как инопланет-
ная тарелка, приземлившаяся посреди Праздника Широкой
Масленицы. – Все системы управления лайнером находят-
ся под нами, в бронированном отсеке. Это полностью авто-

матизированный самолет. *Беспилотный*, понимаете? И сэра Джим своим присутствием на борту подчеркивает его беспилотность. По крайней мере, такова была задумка наших маркетологов-мечтателей...

– Нет, ну смысл я понимаю: беспилотные самолеты, бескурьерная доставка еды из «Омелы», трехмерные принтеры, распечатанные шляпы, прогресс летит вперед, то-се, в коммуне остановка... Но лично я бы на таком самолете никуда бы не полетела, даже в светлое будущее, – сообщила Лиза, поправила шляпу и с индифферентным видом уселась на откидной стульчик. – Страшновато как-то, без нормального-то пилота.

– А напрасно, госпожа агент, как напрасно! – страстно воскликнула княгиня, поднимаясь. Кажется, она стала даже немного выше ростом. Печальное лицо ее преобразилось, глаза загорелись, как у Анны Карениной при виде Вронского... или Болконского?... Откровенно говоря, Лиза была не сильна в классической русской литературе. Ладно, пусть будет не Вронский и не Болконский, а беспроегрышный вариант: итак, глаза Юсуповой загорелись, как у Анны Каренины при виде поезда. – «Беркут» намного безопаснее любого другого лайнера под управлением несовершенного человека. Для «Беркута» не существует непредсказуемых ситуаций, он готов ко всему, понимаете, ко всему! От извержения вулкана на пути следования – до нашествия саранчи где-нибудь на камбоджийской стоянке. Спрогнозировано и заложено в

программу всё! И это я еще не начала вам рассказывать про нейросистему «Беркута». Такого разумного орла вы в жизни не встречали, госпожа ветеринар! В его микросхемах накоплен, нет, сконцентрирован опыт лучших пилотов мира, а его комплекс самодиагностики превзойдет целую команду авиатехников. Технологии, какие волшебные технологии! Двойная, тройная защита от вирусов и взлома... «Беркут» сам общается с диспетчерами аэропортов, у него есть свой голос, а точнее – голос моего мужа... Мой муж... мой покойный муж Феликс... Он курировал рождение «Беркута» в «Гнезде», он вложил в этот самолет всего себя, свой талант, свое образование, свою душу...

– «Гнездо»? – не поняла Лиза.

– Крупный авиапроизводитель. Российский, – пояснил Платон. – Есть «Гнездо» и есть «Киевский завод Сикорского». Пассажирские самолеты. «Гнездо» – это «Беркуты», «Ястребы». «Сикорский» – это большие «Струги», частные «Ладьи» по спецзаказу. Вертолеты «Челн».

Платон активного участия в разговоре пока не принимал, стоял в позе выключенного Терминатора на фоне панорамного окна. Если бы этому истукану были свойственны человеческие чувства, можно было бы сказать, что он заморожен удивительной красотой Юсуповой и внимает каждому ее слову, как доберман-пинчер, приметивший в руке хозяйки сочный стейк.

– А при чем тут «Гаккелевские авиалинии»? И ваш муж? –

Лиза никак не могла разобраться.

– Феликс был председателем правления «Гаккелевских авиалиний» до меня... И при нем компания никогда бы не взяла на борт на свинью!.. А мне сложно, понимаете, невозможно спорить с маркетологами! Они сильнее меня... – Она как будто перед кем-то оправдывалась, глядя куда-то мимо Лизы, в прекрасных миндалевидных глазах застыли невыплаканные слёзы. – Они и Папу Римского убедят облачиться в буддийские балахоны, эти дьяволы в обличии рекламщиков... Только Феликс умел им противостоять. Он мужественно, как герой, отстаивал свою позицию, репутацию компании, всегда, всегда, даже на общем собрании, даже перед сотнями акционеров, алчущих прибыли... – Она опустила голову и принялась крутить на пальце Перстень, очевидно, собираясь с мыслями. В причёске сверкнули драгоценности. – Да, а «Беркут» был совместным проектом «Гаккелевских авиалиний» и «Гнезда». Каждый винтик, каждая плата – всё делалось под контролем моего мужа... моего покойного мужа... он пропадал на заводе сутками, отдал «Беркуту» здоровье... Слабое сердце... Его поэтому и в пилоты не взяли когда-то, а Феликс так мечтал покорять небеса... И он покорил их – создав «Беркута»...

Лиза слушала невнимательно, думая о том, как у нее болят мышцы и как же хочется курить. Не любила она высокопарную манеру выражаться. Вот с графом Александром эта Юсупова наверняка нашла бы общий язык. Лиза же не соби-

ралась поддерживать поэтическую тональность беседы:

– Ну и сел ваш хваленый «Беркут» с небес прямо в лужу. Образно выражаясь. Как свин плюхнулся. С брызгами во все стороны. Американских пассажиров аж заляпал. Не сумели вы, товарищ княгиня, всё продумать до конца! Не был ваш самолет готов к такой истории, которая случилась сегодня на борту. Где ваша пресловутая предсказуемость чрезвычайных ситуаций?

– О, как вы ошибаетесь, госпожа агент! – страстно возразила Юсупова. – Самолет среагивал безупречно! Сильный удар в стену мгновенно запустил программу экстренной посадки при террористическом акте.

– Но ведь никакого террористического акта, альбуцид его побери, не было! То, что «Беркут» принял за теракт – оказалось всего лишь банальной неловкостью стюардессы. – Лиза посмотрела в сторону Фернанды, замершей на своем стульчике. – Не учли вы человеческий фактор, товарищ княгиня, не учли.

– «Беркут» учитывает *любые* человеческие факторы, госпожа агент, – упрямо сказала Юсупова, скрестив руки на груди. – Ручаюсь вам именем моего покойного мужа. Но *свинский* фактор, конечно, не был заложен в программу. Разве мог мой Феликс даже в страшном сне увидеть, что в священной кабине пилота окажется столь грязное, низкое, агрессивное животное? – Она с брезгливостью посмотрела на очень даже миленького и совсем не грязного сэра Джима, который

к этому моменту уже натрескался морковки и величаво возлежал на боку, весь такой симпатяга в летной форме. – Человек, госпожа агент, предсказуем. Свинья – нет.

– Это просто ерундистика, курам на смех, – мрачно ответствовала Лиза. – Вот тут *вы* ошибаетесь, товарищ княгиня. На животных как раз можно положиться. В отличие от людей. Сильно сомневаюсь, что Джим просто так напал бы на вашу стюардессу. Чем-то она его взбесила, ручаюсь вам именем – не вашего покойного мужа, а дяденьки Павлова, на которого равняюсь с детства.

– Госпожа агент! – В мелодичном голосе зазвенело напряжение. – Прошу вас никогда, никогда не поминать всуе имя моего Феликса, непостижимого, уникального человека, покинувшего этот мир в то время, как здесь остались такие отвратительные существа, как эта свинья... Никогда, слышите?

Лиза вздохнула.

– Не убивайтесь вы так, – дружески посоветовала она натянутой, как струна, Юсуповой. – Может, ваш Феликс сейчас где-нибудь в альтернативной реальности сидит, пиво пьет, на солнце шурится. Всякое бывает, товарищ княгиня.

Глава 6

– Елизавета, налицо злостное нарушение инструкции. – Платон вклинился в девичью беседу, как зубная боль – в песню. – Сэр Джим до сих пор не проверен на неменяемость. Я лично доложу господину Ренненкампфу. Твой шеф тебя не спасет. Это ты его потянешь за собой на дно.

– Пардон, Платон Арнольдич, я уже приступаю, – спохватилась Лиза. – Без кофе-то мысли в кучку не собрать. И это я еще молчу про сигареты.

В этот момент из коридора послышалось дребезжание, и в открытую дверь кабины вкатилась самоходная тележка: продолговатый журнальный столик из светлого металла, с бортиками, на маленьких колесиках. Посреди тележки стоял картонный стаканчик с алым логотипом «Гаккелевских авиалиний», наполненный горячей черной жидкостью. Тележка остановилась в сантиметре от Лизиних колен.

– Эспрессо! Эспрессо, клянусь всеми трицикликами и блокировкой распада моноаминов! – с удивлением сказала Лиза, приносиваясь и осторожно пробуя неплохой кофе. – А это что в красивых оберточках? Неужто десертик? – Она жадно накинулась на квадратик в алом фантике и крошечный малиновый рулетик в прозрачной упаковке с бантиком.

– Кофе, шоколад и леваш – как вы и заказывали, госпожа агент, – сообщила княгиня Юсупова, явно наслаждаясь про-

изведенным эффектом. – Я же говорила: на борту «Беркута» *не бывает* непредсказуемых ситуаций! Мой Феликс предусмотрел даже автоматическую кофеварку, хотя пассажиры крайне редко заказывают этот напиток. Русские любят чай и морс, американцы – смузи и молочные коктейли... Пока мы с вами разговаривали, я через свой Перстень послала «Беркуту» запрос на эспрессо с доставкой в кабину пилота. У меня как у владельца компании, разумеется, есть электронные ключи от системы управления самолетом.

– Хммм... – с набитым ртом протянула Лиза. – Платон Арнольдич, а вам это не подозрительно? Может, товарищ княгиня сама виновата в жесткой посадке? Например, причесывалась, случайно задела расческой Перстень, тот послал не ту команду «Беркуту», который в этот момент подлетал к Гатчине... А? Как вам такой вариант? И Джим ни при чем.

Лиза победоносно подняла чашку кофе в воздух и замерла в ожидании комплиментов своим невероятным дедуктивным способностям.

Однако не дождалась.

Платон сурово сказал:

– В твою компетенцию ветеринара этот вопрос не входит. Это обязанность коллег из Девятьсот Девятого. Они расшифруют «черный ящик» «Беркута». «Черный ящик» фиксировал все команды на рейсе во время полета. Твоя обязанность – проверить свинью. Не строить предположения и не распивать кофе. А проверить свинью. Немедленно займись.

– Госпожа агент, – вмешалась княгиня Юсупова, – это решительно невозможный вариант. Во-первых, разве могла бы я быть настолько невнимательной, чтобы нанести вред родной компании, пусть даже и невольный? А во-вторых, мои электронные ключи действуют только на земле. Как только самолет выходит на рейс, любые внешние команды блокируются, ключи всех сотрудников деактивируются... Автопилот берет на себя полное управление. Если бы даже я была на борту в момент полета, мне пришлось бы заказывать мой любимый вишневый компот через обычный сенсорный экран на спинке впереди стоящего сиденья – как и любому другому пассажиру. Я бы не смогла сделать заказ через Перстень, как сейчас.

– Ну допустим, – недоверчиво сказала Лиза. – Вот только я, товарищ княгиня, одного не могу понять. Зачем вам стюардессы, если у вас компоты и кофе, не говоря уже про всякие смузи, сами катаются по всему самолету?

– Психологическое сопровождение пассажиров, – пожалала плечами княгиня. – Многие наши клиенты испытывает такие же эмоции, как вы. Не готовы пока доверить свою жизнь автопилоту. Русские уже привыкли, а вот на международных рейсах много встревоженных пассажиров. Ведь ни в каких других странах ничего подобного нет... Наши стюардессы успокаивают клиентов. Пассажиры чувствуют, что всё в порядке, пока стюардесса улыбается.

Лиза покосилась на побитую горем Фернанду. Похоже, сей-

час надо было успокаивать саму стюардессу.

После очередного терминаторского взгляда Платона Лиза залпом проглотила остатки кофе, с тяжким вздохом поднялась со своего стульчика и наклонилась к кабану. Джим уже проснулся и поглядывал на нее хитрыми глазками-бусинками. Лиза вытащила «Веретено». Как же там показывал Филипп Петрович?.. Три секунды держать палец на сенсорной кнопке... Нет, позвольте, не три, а пять. Или все-таки две?.. А потом – потом что? Синхронизировать со своим Перстнем? А как? Нужно что-то нажать в Перстне, но что? Вот вопрос.

– Дай сюда.

Платон выдернул у нее из рук бесполезный анализатор и мгновенно его активировал. Затем довольно грубо схватил ее за левую кисть, на которой Лиза носила Перстень, и правым Лизиним указательным пальцем нажал на экранчик Разумника, подтверждая беспроводное соединение с «Веретеном». Лиза ойкнула.

– Полная беспомощность, – процедил Платон. – Господин Ренненкампф узнает обо всём. А теперь работай.

Он отвернулся от Лизы и взялся за допрос Фернанды.

Лиза же наконец принялась за дело. Перебралась в загончик. Присела рядом с Джимом на корточках, погладила его по толстой шее. Поднесла запястье к влажному пятаку. Джим хрюкнул и вальяжно потянулся. Контакт был установлен.

Ну хотя бы она теперь умеет открывать чемодан! Это уже

что-то.

Сперва Лиза достала из чемоданчика одноразовую спиртовую салфетку для обеззараживания места укола – первое правило любого медицинского работника. И только затем приступила к основной задаче.

Чем хорош был анализатор, так это тем, что для его работы нужна была совсем небольшая капелька крови. Джим даже не дернулся, когда тонкая иголка легонько кольнула в массивную складку шеи. Вероятно, он принял «Веретено» за комара. И этого благодушного пилота, способного превзойти в своем смирении тибетского монаха, подозревают в неуравновешенности и невменяемости! Безобразие. Просто в голове не укладывается.

На протяжении тридцати секунд, пока анализатор просчитывал показатели крови кабана, Лиза разглядывала форму Фернанды, вяло отвечавшей на вопросы Платона.

Форма была замечательной, в такой хоть сейчас на подиумы любых миров. Чуть расклешенные брюки, приталенная жилетка – всё королевского красного цвета. Белая блузка с пышными рукавами, напомнившая Лизе о графе Александре. Но самое чудное – крошечная алая шляпка с перышками и полукруглой вуалью, изящно спускавшейся на лоб. Эта шляпка в сочетании с темными кудрями Фернанды и ее страстными испанскими глазами производила сногсшибательный эффект. «Вот бы мне такую, – ни с того ни с сего подумала Лиза и тут же ужаснулась: – Да что это со мной, во

имя вселенского парацетомола! В кого я тут превращаюсь? Запомни, мой милый Лизун: ты носишь свою красную шляпу не для красоты, а только чтобы голову вконец не отморозить! Шляпы – это анахронизм и дурость, в твоём родном мире они никому не нужны».

Выяснив полное имя стюардессы (Фернанда Мария Дельгадо Эстебан), стаж ее работы в компании (семь лет), обстоятельства инцидента на борту (она наклонилась, чтобы поставить миску, кабан взбесился, она отшатнулась, ударилась плечом о стену, сработал датчик теракта), Платон перешел к «свинским» вопросам:

– Вы провоцировали сэра Джима словом или делом?

– О, диос мио! Нет. Конечно, нет!

Фернанда отрицательно качнула золотыми кольцами-серьгами. Она говорила со звонким испанским акцентом, растягивая «р» и смягчая твердые согласные. Русский язык в ее интерпретации казался зажигательным и напевным. Несмотря на состояние стресса, в котором стюардесса пребывала все это время, речь ее была по-кастильски эмоциональной.

– Вы когда-либо имели дело со свиньями?

– Си. Да, конечно! Я имела два образования: курсы психологии и курсы стюардов. Год назад получила третье: уход за сердо. За свиньями. Стажировка на ферме около Пскова! Компания оплатила. На борту «Беркута» нужны были люди для ухода за Джимом.

– Вы любите свиной?

– О, диос... – Фернанда нерешительно взглянула на Юсупову. Та внимательно слушала, нервно крутя Перстень на пальце. – Честно?

– Вам придется быть честной, – отрезал Платон. – Каждое ваше слово проверят. Опросим ваших друзей и знакомых.

– Си... Тогда честно. Простите, Ваше Сиятельство, простите, пор фавор! Я люблю сердо, люблю свиной, в виде хамона... Фантастико! Деликатес! Но – пор десграсиа, к сожалению – не люблю с ними общаться. Это же свиной! О чем с ними говорить? – Фернанда воздела кулак к небу, энергично потряхнув кудрями. Шляпка не шелохнулась. Шпильки, предположила Лиза, не в силах оторвать взгляд от этого произведения искусства. – Зачем им летать? Пор ке? Кабан позорит слово «пилот»! Кабан не авиадор!

Княгиня Юсупова отвернулась к окну и закрыла лицо руками.

Анализатор пронзительно запищал, одновременно с Лизиним Перстнем. Кольцо само собой засветилось и, неожиданно для Лизы, выдало яркую проекцию таблицы с показателями крови Джима на металлическую стену кабины.

– Ага, как я и думала, – удовлетворенно сказала Лиза. – Ни бешенства, ни ящюра, ни даже банального гельминтоза, я уже не говорю про Ауески и прочую экзотику... Поздравляю, товарищи, наш хряк абсолютно здоров. Его можно в космос отправлять. Нет, не в космос – в международный рейс до

Америки, ха-ха-ха!

Юсупова бросила на табличку безразличный взгляд через плечо и вновь обратила печальный взор на летное поле и здание аэропорта, похожее на многократно увеличенный уральский алмаз с множеством граней.

Фернанда тяжело дышала, как Лиза после велотренажера.

Платон скользнул взглядом по данным анализа:

– Превышение адреналина в крови.

– Конечно! – возмущенно согласилась Лиза. – Он же перенес стресс! Беднягу чем-то напугали, вот адреналин и подскочил. Последствие экстремальной ситуации.

– Или ее причина, – сказал Платон. – Сначала подскочил адреналин, по причине психической нестабильности сэра Джима. Затем он набросился на госпожу Дельгадо. Проведи тест на его психическую стабильность.

Волшебный чемоданчик Карла не содержал в себе никаких подсказок на тему того, как тестировать психологическое состояние свиней. Что-то такое мелькало в онлайн-курсе ветеринарии, который она крайне невнимательно прослушивала пару дней назад. В голове всплыл отрывок лекции какого-то дяденьки с бородой: «...А теперь перенесемся в лабораторию академика Петра Ивановича Павлова, представителя знаменитой династии ученых-бихевиористов. Здесь на протяжении последних двадцати пяти лет изучается влияние высоких технологий на психику животных. В частности, академику удалось доказать, что изменение мигра-

ционных путей перелетных птиц Северо-Запада напрямую связано с возросшим числом квадрокоптеров в столице...»

Потом бородач поведал о радикальном сокращении популяции голубей в Петербурге, все из-за тех же квадрокоптеров, и о том, что в последние годы появился особый вид свиней, способных смотреть в небо. Строение мышечно-связочного аппарата обычных свиней не позволяет им поднять голову вверх, это Лиза прекрасно знала. А какие-то заводчики, если верить дядьке с бородой, вывели хрюшку с вьинной связкой, значительно расширяющей возможности шеи животного. «Мечтательные свиньи» целыми днями наблюдали за квадраками в небе, что привело к резкому скачку в развитии их умственных способностей. Вот как раз в этом месте лектор и принялся рассказывать про психологию свиней, но Лиза тогда сочла эту информацию абсолютно лишней для себя, выключила компьютер и пошла наверх, в кафетерий, за бесплатными пирожками с цветной капустой.

Поэтому сейчас ей пришлось импровизировать. Она пощекотала Джима за ухом. Потыкала пальцем в мокрый пятночок. Пощелкала пальцами перед глазками-пуговками. Сэр Пиг безмятежно наблюдал за этими бездарными манипуляциями. Его выдержке мог позавидовать и английский лорд в двенадцатом поколении.

Тем временем Платон вернулся к допросу Фернанды:

– Если не любите свиней – зачем вызвались ухаживать за сэром Джимом?

– Это деньги! Это грандиозно прибавка к жалованью. Ке суэрте! Как повезло – такая сумма!

– Вы нуждаетесь в деньгах?

– О, но... Нет! Не нуждаюсь. Обычно мне хватает. Но сейчас – сейчас они мне нужны. Ми херманито... Мой бра-тишка, мой маленький брат, ему двадцать три, он женит-ся. Он очень упрямый. О диос мио, какой упрямец! Мы по-ссорились несколько лет назад. Он со мной не разговари-вает. Я коплю деньги на грандиозно подарок ему на свадьбу. Я привезу ему новый Русско-Балт, ему нужно авто... Он ска-жет: «Фантастико, Нандита! Вайа! Кома мола! Обожаю Рус-ско-Балт!» Мы обнимемся и помиримся, компренде?

В порыве эмоций Фернанда вскочила со своего стульчи-ка и оперлась рукой о загончик. Джим отреагировал момен-тально. Куда подевался флегматичный хряк, валяющийся на прохладном металлическом полу, как довольная жизнью сарделька? Теперь это был торнадо в образе бешеного каба-на! Джим взревел, вскочил и врезался всем своим грузным телом в ограждение. Лиза ойкнула и выпрыгнула из загончи-ка от греха подальше. Фернанда истошно завизжала и отшат-нулась, ударившись все тем же левым плечом – на этот раз не о стену, а о непробиваемый торс Платона, что было ни-чуть не лучше металлической стены. Визг стюардессы пере-шел в надрывный стон. Юсупова тихо охнула. Платон мгно-венно вытащил из кобуры электродубинку и прижал к шее разъяренного Джима. Кабан рухнул на пол в неестественной

позе, испуганно тараща глазки. Вся сцена заняла несколько секунд.

– О диос мио, о диос мио, о диос мио... – непрерывно повторяла Фернанда.

– Теперь вы видите, что человеческий фактор тут не при чем, господин агент? Теперь видите? Эта отвратительная свинья непредсказуема! – взволнованно сказала Юсупова. – И это ясно доказывает мою правоту в споре с акционерами. Я предупреждала, что компания будет скомпрометирована! Кабану не место в самолете Феликса! Так и вышло. Но теперь мне есть что сказать журналистам. Теперь всё в «Гаккелевских авиалиниях» будет по-моему! Теперь ничто не опорочит память моего мужа. Свинью следует убрать! Милая, а вам мы, естественно, выплатим компенсацию, – обратилась она к Фернанде.

– Согласен. Дело ясное. Кабан напал на госпожу Дельгадо при свидетелях. Нападение повторное. А следовательно, кабан подлежит усыплению. Я составлю распоряжение. – Он повернулся к Лизе. – Нужна будет твоя подпись как свидетеля.

– Но погодите, Платон Арнольдич... Нужно еще раз всё обдумать... Я уверена, что всё не так просто... – залепетала Лиза.

– Всё просто. Было нападение. Мы его видели. Конец истории. Вам нужен врач, госпожа Дельгадо? Плечо в порядке? Фернанда застонала еще сильнее:

– Мне не нужен доктор, мне нужно домой, куэро а каса!

Я должна отдохнуть...

– Распишитесь на протоколе допроса и вы свободны.

Перстень Платона вспыхнул и выдал на металлическую стену проекцию стенограммы допроса Фернанды, слово в слово. Будто какой-то маленький гном-секретарь сидел в кольце и прилежно записывал всё, что говорила стюардесса.

Фернанда невидящим взглядом посмотрела на стену, прижала свой Перстень к кольцу Платона (очевидно, в этом и заключался процесс подписания документа) и, придерживая больное плечо, вышла из кабины пилота.

Платон принялся куда-то звонить и требовать спецавтомобиль для перевозки кабана в ближайшую клинику с целью его усыпления. Юсупова тоже с кем-то переписывалась, полностью углубившись в свой Перстень.

Джим тихо моргал, лежа на полу.

С места, где стояла Лиза, был виден салон самолета и опечатанные следователями туалеты.

– Чегой-то я с кофе переборщила... – задумчиво сказала она вслух. – Сбегаю в аэропорт попудрить носик. Ладусики, Платон Арнольдич?

– Три минуты туда. Три минуты там. Три минуты обратно. Жду тебя через девять минут. Время пошло. Я пока подготовлю распоряжение об усыплении. Помни: твои измененные потребности не должны мешать своевременному устранению угрозы для общества.

– Ага, – кивнула Лиза и кинулась к выходу.

Однако ни в какую уборную она не побежала. «Измененные потребности» действительно могли подождать.

Глава 7

Выскочив из дверей гейта 2212, Лиза подлетела к Макс, стоявшему в мужественной позе на фоне стеклянной стены (руки скрещены на груди, ноги на ширине плеч, голова повернута на три четверти, подбородок устремлен вверх, глаза блестят – словно посетитель «Омелы» раздумывает, с какой именно начинкой ему взять блины сегодня):

– Макс! Срочно! Нужна твоя помощь.

– погоди, Лизавета, не мешай, – не меняя положения головы, проговорил Макс уголком рта. – Не видишь, я позирую.

– Кому, во имя парацетомола?

– Самому Ангелу! – с пиететом выдохнул Макс и сменил позу на запредельно брутальную: одна рука на кобуре электродубинки, другая прижата козырьком ко лбу (посетитель «Омелы» увидел новинку в меню и готов устранить на своем пути любого, кто скажет, что от этой вкусняшки он наберет лишние килошки).

Только сейчас Лиза заметила неподалеку группу телевизионщиков в небесно-голубых жилетах с логотипом «Всемогущего». Суетились операторы с камерами, техники возились с осветительными приборами. Надо всей этой суматохой властвовал ее недавний знакомец – телеведущий Ангел Головастик, ослепительно-великолепный в своём сверка-

ющем розовом костюме. Несмотря на все потуги Макса, Головастикова на скромного унтер-офицера никакого внимания не обращал, а был поглощен интервьюированием Фернанды Дельгадо, почти такой же яркой, как и сам Ангел. Фернанда что-то томно лепетала в камеру, то и дело кокетливо поправляя свою восхитительную алую шляпку.

– Ага, отлично! Я боялась, она успеет скрыться... Макс, да прекрати ты кривляться. Нужно задержать вон ту стюардессу, – возбужденно заговорила Лиза, дергая городского за белый рукав. – Ее зовут Фернанда Дельгадо.

– Лизавета, богиня моя, ты знаешь, я ради тебя в огонь и воду... Но вот под суд, по статье Уголовного уложения «Превышение полномочий», как-то неохота. С твоими коллегами из Первого отделения, борцами со злоупотреблением властью, я тоже увидаться отнюдь не мечтаю. Понимаешь, я еще не успел стать суперзвездой, другие заключенные в тюрьме навряд ли станут боготворить меня, брать у меня автографы и угощать мороженым... Какие основания для ареста вышеозначенной Фернанды?

– Готова поставить на кон свой диплом ветеринара, что эта девица – наркокурьер, – выпалила Лиза.

Макс подобрался.

– Да уж, обвиненьице нешуточное. Но почему тогда твой дружок Шварц ее выпустил целой и невредимой?

– Этому дуболому такая мысль даже в голову не приходила, – с презрением сказала Лиза. – Заиклился на неадекват-

ности кабана. А между прочим, миляга Джим – самая адекватная свинья из всех, кого я знаю. А знаю я свиней немало... Бьюсь об заклад, он взбесился, потому что почуял наркотики. Стюардесса где-то их прячет. Не исключено, что в желудке, как один мой бывший сосед. Не знаю, как у вас тут принято.

Макс, прищурившись, разглядывал Фернанду, прижимавшую руки к пышной груди: «Диос мио! Набросился, как торнадо! Комо ун торо! Но я не тореадор! Я так испугалась!».

– Не похожа она на наркокурьера, честно, Лизавета, – наконец сказал он. – Всякое бывает, но... Не знаю. Ты хоть представляешь, как нам обоим с тобой влетит, если мы сейчас ее тут задержим на глазах у миллионов зрителей?

– Влетит... Или прославимся, если она и правда окажется наркокурьером, – голосом бывалой соблазнительницы сказала Лиза. – А ведь среди этих зрителей вполне могут оказаться маститые продюсеры, кастинг-директоры, знаменитые режиссеры, подыскивающие актера на главную роль в новом боевичке... Мне продолжать?

– О-о-о, тебя нужно было назвать не Лизавета. Ева – вот как. – Макс стиснул кулаки. – Проклятье. Скажи мне только одно: ты как агент Личной Канцелярии приказываешь мне задержать стюардессу?

– А я могу? – удивилась Лиза. – Ну тогда ага, приказываю.

– Ох, Лизавета, а ведь мог тебе кто угодно попасться на моем месте... – вздохнул Макс. – Давай так. В случае про-

вала нашей операции ты мне ничего не приказывала. Нечего тебе в тюрьме делать. Богиням за решеткой не место. Так что будем считать, это моя личная инициатива. Но в случае успеха – я действовал под твоим руководством. Награждают пусть обоих. Ну, поехали, Афина Воительница?

Лиза поправила шляпу.

– Ладусики. Поехали, товарищ Абрикосов.

Макс жестом подозвал двоих городских и решительным шагом направился к Фернанде. Та с грустной улыбкой на лице слушала излияния Ангела, восторгавшегося удобствами своего недавнего полета на «Беркуте»:

– Да, друзьяшечки мои телезрители, коллекция фильмов и передач на сервере самолета просто чудеснейшая! А стюардессы могут посоветовать, что подойдет именно вам, под ваше настроение. Я прав, Фернанда? На рейсе в Нью-Йорк я пересмотрел все выпуски моего ток-шоу «Великая Княжна точка лайв», которое я считаю одним из лучших в своей карьере. Почему, спросите вы, милашки мои? Во-первых, из-за удачно подобранных нарядов, моих, разумеется...

– Именем Императрицы и во имя международной Конвенции об обороте наркотических и психотропных веществ, госпожа Фернанда Дельгадо, вы задержаны по подозрению в незаконном провозе наркотика через границу империи. Я унтер-офицер полиции Санкт-Петербурга Максим Абрикосов. Прошу пройти со мной для проверки.

Это было эффектно. Макс стоял под перекрестным огнем

двух камер, освещенный яркими лучами прожекторов. Вот теперь он выглядел по-настоящему брутально. Дерзкие темные глаза, расправленные плечи, компактная, но крепко сбитая фигура в белой шинели. Эдакий стойкий оловянный солдатик из сказки.

– Ке?... Порке?! Почему?

– Вы подозреваетесь в незаконном провозе наркотических средств через границу Российской империи, – повторил Макс, краем глаза поглядывая на опешившего Ангела. – Прошу со мной.

Он сделал движение в сторону служебных помещений, скрытых за стеклянной дверью с довольно-таки юморной надписью *«Вам точно не сюда. И это не шутка»*.

– Вот вам, госпожа Дельгадо, точно сюда, – прибавил Макс после некоторого раздумья, подмигнув в камеру. – И это не шутка.

Однако страстная Фернанда не спешила покоряться.

– Но! Но-но-но, господин офицер. Я ни в чем не виновата! О диос мио... Мое плечо... Мне нужен врач! Мне срочно нужно в больницу! Я никуда не пойду!

– Товарищ стюардесса, – влезла в официальный разговор Лиза, – вы только что сказали моему коллеге из Третьего отделения, что с вашим плечом всё в порядке.

– А теперь не в порядке! Я страдаю! Я страдаю от боли! О, ке долор!

– Что решит этот строгий, но симпатичный офицер в ми-

ленькой белой форме, друзьяшечки мои? – ввернул реплику оправившийся от шока Ангел. – Пригласит ли он врача умирающей барышне? Или нарушит права человека у нас с вами на глазах, прямо в прямом эфире телеканала «Всемогущий»?

Макс кашлянул.

– Прошу пройти со мной для проверки, госпожа Дельгадо. Там же вас осмотрит врач. Не только по причине болей в плече, но и на предмет проглоченных упаковок с наркотиками.

Ангел с Фернандой ахнули одновременно и громогласно, на весь гигантский зал отправления:

– Друзьяшки, я щас умру от разрыва своего красивого сердца!

– О диос мио – ничего я не глотала! Это бред! Десварио, чушь!

Лиза побоялась, что вот тут-то Макс и скиснет, поскольку Фернанда казалась в этот момент донельзя оскорбленной и донельзя прекрасной, не говоря уже об Ангеле, скандализованном диким (для этого благопристойного мира) предположением полицейского.

Но унтер-офицер Абрикосов мужественно держался Лизиной версии событий. Не слушая экспрессивных криков стюардессы и телеведущего, будто исполнявших Хабанеру и арию тореадора Эскамильо одновременно, Макс увлек подзреваемую в служебный корпус. От Ангела, желающего быть

в центре событий, отделаться по-хорошему было невозможно, поэтому его пришлось прихватить с собой тоже. «Когда еще окажусь в прямом эфире!» – успел шепнуть Макс Лизе, пропуская в коридор для персонала назойливых телевизионщиков.

Комната для досмотра напоминала лабораторию сумасшедшего научно-исследовательского института по изучению вопросов межгалактической торговли. Здесь были сканеры в человеческий рост, сканеры поменьше и совсем крохотные. В углу стоял микроскоп. Посередине помещения отливала матовой сталью громадный конвейер. На экране, подвешенном к потолку, показывали мини-фильмы, посвященные различным способам провоза контрабанды в чемоданах, дамских сумочках и обуви. Целый стенд был посвящен отличиям настоящего грунта с поверхности Луны от наркотика под названием «Лунная пыль». На подоконнике цвели диковинные тропические растения, очевидно, изъятые у нарушителей. Стены тоже пестрели таможенными трофеями: швейцарский нож с ликом Ленина на рукоятке; мини-дрон с зазубренными лезвиями вместо винтов – крошечная смертельная мельница; тяжелая лошадиная сбруя, целиком сплетенная из золотых и серебряных нитей; и много чего еще, что Лизе рассматривать было некогда.

Оператор «Всемогущего», здоровенный бородатый богатырь, аж пискнул от восторга, увидев музей контрабандных диковинок. Ангел же зачарованно уставился на главное

украшение комнаты досмотра: плакат размером примерно метр на два с его собственной сияющей физиономией. Головастика на фотографии был значительно моложе нынешнего и гораздо больше похож на нормального человека. Видимо, телеведущий годами трудился над приданием своему облику того гламурно-лакированного вида, в коем он пребывал сейчас. На постере юный Ангел – худенький, лохматый, с беспокойным блеском в глазах – держал в руке микрофон, широко разевая рот.

По лаборатории слонялись люди, похожие одновременно и на ученых, и на городских благодаря своей белоснежной форме. Кители таможенников отличались от обмундирования полицейских лишь зелеными манжетами и тонким зеленым кантом воротника-стойки. Эти тихие служаки, мирно занимавшиеся работой с документами, изрядно растерялись, когда к ним ввалилась шумная компания под предводительством Макса.

– Это что еще за безобразие? – Вперед выдвинулась крупная амазонка с короткой стрижкой – из-под фуражки выглядывали аккуратные височки. Благодаря белой форме могучие плечи амазонки казались совсем необъятными. Напор от нее исходил такой, что Лиза невольно попятилась. – Так-так-так, камеры, телевидение... Вы что себе позволяете, господа? Вломились в мою священную зону без спроса. Кто здесь в вашей шайке-лейке за старшего? А ну-ка подать его сюда!

Макс кашлянул и выступил вперед – на фоне мощной та-

моженницы невысокий городской смотрелся довольно кисло. словно нерадивый сынок, получающий нагоняй от грозной мамы за очередную двойку.

– Унтер-офицер Макс Абрикосов, полиция Санкт-Петербурга, – храбро начал он. – Мы привели для досмотра подозреваемую в контрабанде наркотиков. А телекамеры здесь потому, что это дело имеет большой общественный...

– И слушать не желаю! – Амазонка сделала повелительный жест по направлению к дверям. – А ну-ка убирайте журналистов! Еще не хватало! Выдумали тоже! Без них проведем досмотр. Так, господа журналисты, пошли-пошли отсюда, давайте-ка поживее!

– Добрый день-добрый день-добрый день, милочка моя, – послышался капризный тенор. В игру вступил сам Ангел Головастиков, нашедший в себе силы оторваться от созерцания чудесного плаката. – А может быть, вы все-таки измените своё мнение?

– Ничего я не... Ой. Ой-ой-ой... – Амазонка разглядела, кто перед ней, и сперва просто остолбенела, а затем из ее обширных легких вырвался оглушительный визг: – И-и-и-и! Ребятунки! Ребятки! Это же он, это он, это он! Глазам своим не верю. Ангел! Головастиков! Собственной! Персоной!

После этого дело покатилося как по маслу. А точнее – как трамвай по вакуумному тоннелю.

Таможенница, оказавшаяся преданной и давней фанаткой Головастикова, была готова выполнить любое желание свое-

го кумира – всего лишь за один его автограф на том самом плакате.

– Напишите «Ирусiku от Ангелусика», – кокетливо прогудела она, одергивая свой китель-парашют.

В этот момент в помещение ворвался разъяренный Платон, потративший целых шесть минут на поиски Лизы, которая своим злостным разгильдяйством затягивала отправку кабана на усыпление. Однако начальница таможенной службы Платона мгновенно укротила и усадила на неудобную железную табуретку возле микроскопа. Агенту оставалось лишь прожигать Лизу взглядом.

Некоторую сумятицу в общую обстановку внес и аэропортовский врач, явившийся осмотреть больное плечо Фернанды. Бодрый мужчина в белом халате с ходу заявил, что аэропортовский Котёл Ершова на ремонте, поэтому он осмотрит пациентку по старинке. Потом немного помял ключицу стюардессы, сказал «ну-с» и сообщил, что пациентка не нуждается в немедленной госпитализации, однако ей следует отдохнуть в комфортной обстановке, дабы успокоить нервы. Фернанда после этих слов зарыдала и запросилась домой, но ее никто не отпустил. Врача попросили остаться на случай, если при сканировании в организме бортпроводницы обнаружат упаковки с наркотиками. Доктор остался, показывая большой интерес к происходящему.

Тем временем, получив заветный автограф, амазонка Ирина сосредоточилась на деле. Приказав Фернанде зайти в

большой сканер, она уставилась на экран.

– Всё чисто, ребяташки, – констатировала Ирина спустя несколько томительных минут. – Стюардесса ваша в полном порядке. Никаких следов наркотиков.

– Я так и знал, – хором сказали Ангел с Платоном.

Макс понурил голову.

– Си! – воскликнула Фернанда, выходя из сканера и нервно поправляя алую шляпку. – Отпустите меня наконец! Ку-эро а каса!

Доктор сказал: «Ну-с, я тут больше не нужен», – и ушел.

– Ну уж нет, папаверин вас всех раздери! – крикнула Лиза. – У вас аппаратура сломалась.

Это было жалкий выпад, и таможенница немедленно размазала Лизу по стенке, разъяснив ей доступным языком, что лезут тут всякие со своими глупостями, аппаратура в полном порядке, и почему бы некоторым выскочкам не перестать отвлекать Таможенную службу Российской империи от оформления ежегодного отчета и не заняться своими делами, например, ловить настоящих преступников, а не воображаемых наркокурьеров.

Глава 8

Лиза поплелась вслед за всеми к выходу из помещения. Впереди ее ждал позор, выговор от Платона, чувство вины перед Максом, но что еще хуже – подписание смертного приговора Джиму. «Может, кабан взбесился из-за алого цвета формы стюардессы? Ну как бык на корриде», – вяло подумала она, глядя на шляпку Фернанды, подпрыгивающую на темных кудрях хозяйки. «Интересно, в Ламе есть такая модель шляпки? Надо будет полистать каталог в нашем уличном киоске на остановке...»

И вдруг ее осенило.

– А шляпу? Шляпу-то отдельно не проверили! – воскликнула она, обернувшись к таможеннице Ирине.

– И снова-здорово! – Амазонка раздраженно отмахнулась. Она была полностью поглощена разглядыванием автографа Ангела на плакате. – Если бы в подкладке шляпы были наркотики, сканер бы их распознал. Всё, барышня, хватит тут безобразничать, покиньте моё таможенное царство наконец.

– Нет, послушайте! Сканер распознал бы наркотики, если б они были зашиты в подкладку шляпы. А если бы *сама шляпа* была напечатана из наркотиков? На трехмерном принтере! Понимаете? Если бы внутрь этого принтера загрузили тубик не с жидкой тканью, или фетром, или что там должно быть, не знаю. А тубик с жидким, вязким, густым

наркотиком!

Все замерли в дверях. Все, кроме Фернанды, которая попыталась выскочить из комнаты, однако Макс перекрыл проем рукой, ожидая ответа от начальницы таможни.

По непроницаемому лицу амазонки было сложно понять, о чем она думает.

– С таким воображением, барышня, вам не в Личной Канцелярии служить, а вон, на телевидении! – Таможенница кивнула на плакат с поющим Ангелом. – У нас ничего подобного никогда не было, а мы тут перевидали даже мини-обезьянок в консервных банках! Представляете, швейцарские контрабандисты живых мартышек перевозили в жестяных ёмкостях, дырочки им просверливали, чтоб свежий воздух поступал... Как же эти обезьянки назывались... Мармеладки... Нет, мадмуазельки.. Или мамзельки?.. Мы их еще потом в зоопарк отправили...

– Швейцарские лиллипуты-мармозетки, – предположила Лиза. – И сейчас они решением суда, вероятнее всего, отправлены обратно на природу. Но давайте ближе к делу. Есть способ проверить, из какого материала изготовлена шляпка?

– Только один. Под микроскопом. – Таможенница указала в сторону электронного увеличителя. – Но занятие это кропотливое и долгое, да к тому же я сильно сомневаюсь, что оно даст результат.

– Требую прекратить посторонние фантазии, – включился в беседу Платон. – Елизавета, немедленно возвращаемся в

«Беркут». Ты уже полностью дискредитировала себя. А вам следует вернуться к работе, – сообщил он амазонке.

– А вы, юноша, не командуйте в моем хозяйстве! Будет мне тут еще руководить. Если я и откажусь от возни с микроскопом, то не из-за ваших указок, дорогой мой, а только потому, что у меня и без того дел полным-полно.

– Давайте всё же попробуем! – взмолилась Лиза. – Во имя благополучия всех мини-обезьянок и макси-кабанов всех миров... Нет, не так. Во имя нашей с вами Общей Любви!

И она воздела руку с полустертой росписью Ангела, которая к этому моменту приобрела вид давнишней татуировки.

– Позвольте, милочка, а это откуда у вас? – встрял Ангел уже из коридора. – И почему ваше лицо кажется мне знакомым? Ах, минутку! Не вас ли я встретил на своей лестничной площадке, озорница вы эдакая? Поглядите-ка на нее, повсюду следует за своим любимцем!

– О, так вы тоже из наших, барышня! – обрадовалась Ирина, а грудь ее заколыхалась от восторга. – Так бы сразу и скажали! Только истинные поклонники караулят своих кумиров возле квартиры. Да еще и с татуировкой, это уже высший пилотаж! Ладно, – решила она. – Погляжу на эту шляпку в микроскоп, так и быть.

Вся компания вновь оккупировала таможенную комнату. Фернанда рыдала навзрыд, лишившись шляпки и остатков самообладания. Платон вернулся к прожиганию Лизы взглядом. При этом он суфлировал губами одно только страш-

ное слово: «Ренненкампф». Макс воспрял и легонько даже подтанцовывал на месте от нетерпения. Все таможенники бросили свои скучные отчетные дела и сгруппировались вокруг начальницы, колдовавшей над микроскопом. Телевизионщики боролись с клерками за лучшие места в партере. Ангел пролез вперед всех со словами: «Я нужен ей сейчас, друзьяшки, не видите, что ли? Па-а-асторонись!»

Причудливая шляпка беспомощно адела на подсвеченном стекле микроскопа, как экзотическая птица кардинал с подрезанными крыльями. Рядом белела фуражка амазонки.

– Ребятушки, – не поворачивая коротко стриженной головы, сказала начальница таможни, – я вам сейчас один снимочек скину на сервер. Давайте-ка поживее, прогоните его через нашу базу запрещенных веществ.

Один из клерков выпорхнул из толпы и бросился к ближайшему компьютеру.

Компьютер пискнул, на экране возникла фотография хаотичного нагромождения разноцветных молекул в самых разнообразных комбинациях. Больше всего происходящее на картинке напоминало разбросанные по полу детские игрушки: тут вам и мячики, и шарики всех размеров, и детали конструктора, и ленточки, и веревочки, и какие-то колючие монстрики, и колеса от машинок, и огрызок яблока.

Снимок замигал, уменьшился в размерах и прыгнул в левую часть экрана, а в правой началось мелькание других картинок. Вероятно, компьютер искал нечто похожее в той са-

мой базе, о которой говорила Ирина. Всё это очень напоминало вращание барабана «однорукового бандита» в казино. Только ставкой в этой игре были не деньги, а жизнь одного толстого симпатичного хряка.

Внезапно мелькание закончилось. Компьютер исполнил припев из «Триумфальной частушки», классического хита певицы Беты.

На экране сияли две абсолютно идентичные картинки с молекулами.

Это было лучше, чем три семерки.

Это был джекпот свинского масштаба.

– Поросячий визг... – прошептали все таможенники одновременно. Будто порыв ветра с Финского залива пронесся по помещению.

Платон скрипнул зубами на всю комнату, но никто даже не обернулся – все смотрели на монитор компьютера с двумя одинаковыми картинками.

Фернанда вскрикнула и попыталась вырваться в коридор. Макс ухватил ее за руку и защелкнул на тонких запястьях наручники.

– Именем Императрицы и во имя международной Конвенции об обороте наркотиков и психотропных веществ, госпожа Фернанда Дельгадо, вы арестованы за незаконный провоз «Поросячьего визга» через границу Российской империи, – провозгласил Макс. Фернанда вновь разрыдалась.

– Что? Что такое поросячий визг? Какой еще поросячий

визг? Что происходит? – дико взволновалась Лиза.

– Героин двадцать первого века. «Поросячий визг». Один грамм стоит как новый Русско-Балт. Спрячу-ка его от греха подальше, – сказала начальница таможни, накрывая алую шляпку своей просторной фуражкой. – Ребятюшки, подготовьте мне герметичный контейнер, акты обнаружения и изъятия наркотического вещества, ну сами знаете... И сразу садитесь переделывать годовой отчет – это крупнейшая удача Таможенной службы с тех пор, как мы нашли девятьсот тысяч рублей в пирожках! Помните? Недоумки сворачивали купюры в трубочки, обматывали их фольгой и запекали в тесте. Ну кто в здравом уме потащит пирожки на родину «Омелы» и сказки про Колобка? Я сразу почувяла неладное. Но тут – ведь даже мысли не закралась. Впервые вижу наркотик в таком виде. А ведь как просто! Просто гениально, батюшки-светы! – Она растолкала телевизионщиков и пробилась поближе к Лизе. – Что, барышня, может, к нам в таможню переведетесь из своего нудного Отделения? Головка-то у вас варит, как хороший котелок! А? У нас интересно. Будем раз в неделю устраивать заседания клуба фанатов Ангела. Ну, соглашайтесь!

– Спасибки, конечно, но, пожалуй, откажусь, – замотала головой Лиза. – У меня есть неоконченные дела в нашей Семёрочке.

– Преданность делу – похвально! – загремела амазонка. – А вы и правда ценный сотрудник. Имейте в виду, барышня,

мы тут всегда вас ждем. Верно, ребятушки?

Бледные клерки зашелестели нечто утвердительное.

– Поверить не могу, друзьяшки мои дорогие, что настолько миленький аксессуарчик оказался слеплен из смертоносного пластилина, – сказал Ангел в камеру. – Учитесь, дамочки: вот что такое «убить всех наповал своей шляпкой». Эх, не зря говорят: красота – страшная сила!

– О диос мио, – обессиленно выдохнула Фернанда, глядя в потолок и молитвенно складывая ладони. На ее тонких запястьях наручники смотрелись элегантно и изысканно, как браслеты в стиле модерн. – Ми побре херманито... Мой бедный братик, ты остался без подарка... И без сестры. Теперь мы точно никогда не помиримся. Как же так? Этого просто не может быть! – Она невидящим взглядом посмотрела на Макса. В прекрасных карих глазах плескались слезы и отчаяние.

– Да ладно вам, знаете какой в тюрьме роскошный синематограф? – утешил ее Макс. – Каждую субботу там крутят последние шепсинские блокбастеры. Я вам даже немного завидую, если честно. И свиней в тюрьме нет – я так понял, вы их не особо любите. Радоваться надо, а не реветь в три ручья, мадам.

Не похоже было, чтобы Фернанду эти аргументы хоть немного успокоили, однако Макс счел свою психотерапевтическую миссию выполненной и повернулся к Лизе:

– Категорически прощаюсь, богиня ты наша пороссячья, –

ухмыльнулся он ей напоследок. – Знатно ты тут всех приложила. Прямо в лужу усадила. Блеск! До новых встреч в эфире.

И он увел рыдающую стюардессу прочь.

– Аста ла виста, бейби! – не удержалась Лиза.

Глава 9

– Приятно повернуть дельце-другое еще до обеда, – лениво сказала Лиза, развалившись на мягком диванчике возле фонтана в «Омеле». Спиной к окну, чтобы лишний раз не видеть остановку вакуумки на месте родного дома. – Найти ценный наркотик, спасти свинтуса от усыпления, получить предложение о работе... А вы как провели сегодняшнее утро, граф?

– Стыдно признаться, Елизавета Андреевна, в безделье... Не мог оторваться от телеэкрана. Смотрел, как вы виртуозно расследуете дело. Мы все так привыкли к высоким технологиям, поклоняемся им, почитаем их за величайшее благо двадцать первого века и часто забываем, что тот же трёхмерный принтер может стать величайшим злом, если попадет в руки злоумышленников... А у вас совершенно свежий, незашоренный взгляд, Елизавета Андреевна. Браво, сударыня, браво!

Граф Александр и правда был в приподнятом настроении. Можно сказать – в эйфории. Лиза его даже не сразу узнала, когда случайно столкнулась с ним в «Омеле». Ну, то есть это она сначала думала, что столкнулась с ним случайно, однако тут же выяснилось, что граф догадался, куда она помчится сразу после аэропорта, опередил коллегу и ждал Лизу в кафе, чтобы угостить обедом.

Да, после всех этих разговоров о пирожках с деньгами Лизе жутко захотелось перекусить. Поэтому она действительно кинулась в любимую ресторашку. И как фон Миних мог это предугадать? Не иначе как применил свои экстрасверхспособности опытного следователя.

Бледные щеки графа покраснелись, глаза светились довольством. Кажется, он даже что-то напевал, пока Лиза жадно заглатывала пирожки с лесными ягодами, совершенно забыв о том, что ей нужно худеть для благополучного возвращения домой.

– Я в восхищении, Елизавета Андреевна, от вашей совместной работы с господином Шварцем. А точнее – от того, как вы изящно поставили его на место. Он ведь полностью уверился в том, что всему причиной был Джим, но вы сумели, несмотря ни на что, найти доказательства обратному. Ваша настойчивость в Таможенной службе... Я просто обязан был немедленно угостить вас чем-нибудь вкусным. Прекрасная работа, сударыня!

– Ну, княгиня Юсупова с вами вряд ли бы согласилась, – невнятно отозвалась Лиза, наслаждаясь воздушным тестом с малиново-сливочной начинкой и чудным горьковатым эспрессо. – Мы потом вернулись на борт «Беркута», где она нас ждала в полной уверенности, что сейчас ее избавят от надоевшей свиньи, которую она всем сердцем ненавидит. И тут я ей сообщаю, что свинья будет жить, а вот ее лучшую стюардессу в данный момент увозят в кутузку. В общем, Платон ее

еле откачал, хотя, по моему личному мнению, можно было обойтись и без расшнуровки корсета. Устроил там ноотроп знает что. Но потом пришла неожиданная-негаданная помощь: Юсуповой позвонил глава рекламного отдела «Гаккелевских авиалиний». Он ей доступно объяснил, что общественности сильно не понравилось бы, если бы милую свинку пришлось усыпить. И если уж выбирать, кого кинуть на алтарь, так лучше Фернанду, которая явно проигрывает кабанчику в народной популярности. После этого княгиня пришла в себя и даже разрешила Платону увести ее в аэропортовское кафе. Ну а я к ним набиваться в компанию не стала и бросилась сюда. Хотите пирожок с брусникой?

– Нет-нет, благодарю, Елизавета Андреевна, мне достаточно и чая... Я так понял из репортажа господина Головастикова, что Джиму нашли новую работу?

– Ага. Начальница таможни Ирина – ух, какая грозная тетя! – решила взять его к себе в штат, раз кабанчик может учуять наркотик в любом виде. Но основная причина его трудоустройства не в этом. А в том, что Джим протащит ее в сияющую обитель шоу-бизнеса. Ангел собирается регулярно освещать таможенную деятельность кабанчика в своей программе. Крестный отец Джима, так он себя называет. Не знаю почему.

– Наверное, потому, что Ангел был первым, кто представил Джима публике – в своей программе «Великая княжна точка лайв», – рассеянно предположил граф, прихлебы-

вая светлый чай. – Он тогда еще был бессмысленным поросячком. Под словом «он» я имею в виду Джима. Ангел так и остался бессмысленным поросячком... Вы говорите, сударыня, Платон увлекся княгиней? Что ж, я ей сочувствую. Она не подозревает, что ее ждет. Лучше бы она пошла на свидание с бортовым компьютером «Беркута». Хотя, конечно, противостоять напору Платона непросто. Фактически – невозможно. Даже мне за все годы знакомства с ним не удалось этому научиться. А вот у вас – врожденный дар, сударыня! Как же я рад, что вы проучили его сегодня, да еще и перед камерой «Всемогущего». Очень надеюсь, что Ренненкампф в прямом эфире наблюдал за сокрушительным фиаско его любимого агента!

– Ого, граф! Не думала, что вам свойственна банальная мстительность, – сказала Лиза, отдуваясь после пирожков и готовясь к гранд-десерту, заказанному ей просто от жадности.

Торт «Ореховый взрыв», состоявший из пятнадцати коржей и семи видов орехов, имел в высоту сантиметров тридцать и являлся самой дорогой позицией в меню «Омелы». Лиза просто не могла упустить шанса попробовать его бесплатно. Граф же угощает! Нужно пользоваться.

– Слушайте, а что у вас там была за история в Швейцарии? – спросила она, варварски закапываясь в самую середину «Взрыва». – Платон говорил, что вы провалили какое-то секретное задание.

Граф сразу помрачнел. От жизнерадостности, брызжущей пузырьками шампанского, не осталось и следа.

– Задание было секретным.

– Ой, да бросьте, граф! – махнула рукой Лиза. – Уж мне-то вы можете рассказать. Я же сама из Швейцарии!

– Раз уж вы об этом заговорили, Елизавета Андреевна... Это не мое дело, поэтому сам я не собирался поднимать эту тему... – Граф пожал плечами, оставил чашку с недопитым зеленым чаем в сторону и посмотрел Лизе прямо в глаза. – Вы уж простите, но я жил в этой стране много месяцев и готов поручиться, что вы *не* из Швейцарии. Вы можете ввести в заблуждение человека, который никогда не бывал в Альпах, но не меня.

Лиза взяла в руки деревянную вилочку и с новой энергией набросилась на многоярусный торт. Пусть она лопнет прямо здесь и сейчас, пусть ее вытошнит прямо на изысканный плащ графа, но она уничтожит этот трицикловый «Ореховый взрыв». Ни грамма вкуснятины на помойку!

– Забавно, – пробубнила она, набив рот восхитительным тающим кремом. – Забавно, как вы все-таки похожи с вашим приятелем Платоном. Он тоже не поверил, что я из Швейцарии. Прямо не мог на нашей свинье сосредоточиться, только и талдычил, что моя история вызывает у него сомнения.

– Он мне не приятель, сударыня. – Лицо графа совсем заледенело. – «Но двуногих свиней в нашем мире не счесть: эти жрут без горчицы и перца всё, что в нас благородного,

лучшего есть, что исходит из уст и из сердца...» Нет, он хуже, гораздо хуже любой свиньи, я должен просить прощения у свиньи, что сравнил его с нею. Нет – это амарок в кожаных штанах, это бездушная машина из антиутопии, это...

– Амарок?

– Чудовищный волк из эскимосских сказаний, способный замораживать своим дыханием... Если Платон взял ваш след, Елизавета Андреевна, поберегитесь. Не знаю, что с вашей биографией не так, но мой вам совет, сударыня: отшлифуйте легенду до полного совершенства, в противном случае ваша жизнь превратится в такие вот развалины. – Изящная рука графа указала на жалкое месиво, бывшее когда-то великолепным «Ореховым взрывом». – Ммм, к вашему сведению, правила «Омелы» позволяют забрать с собой любое блюдо, которое вы заказали. Простите, что вмешиваюсь не в свое дело, но вам совсем необязательно истязать себя.

– Что ж вы раньше-то молчали, граф? – всплеснула руками Лиза. – Ваша дурацкая псевдоинтеллигентская сдержанность чуть до инсульта меня не довела. Фух, значит, можно дома доесть эту роскошь. Охх. Ладусики. Теперь – что вы имели в виду, когда сказали, что я должна отшлифовать легенду?

– Географические названия, имена, даты, – пожал плечами фон Миних. – Всё, за что цепляются следователи.

Сигаретку бы сейчас, подумала Лиза, а вслух сказала:

– Слушайте, я понятия не имею, за что цепляются следо-

ватели. А вы, само собой, в этом вопросе как рыба в воде. Или я должна сказать – как квадрокоптер в небе?

– Лучше всего – как корова породы «ленинская пятнистая» на альпийском лугу, – посоветовал граф. – Швейцарское выражение. Это весьма примерный перевод на русский, разумеется.

– Вот! Вот видите! – воскликнула Лиза. – В общем, давайте так. Хотите с моей помощью утереть Платону нос, как сопливному трехлетке? Тогда я вам дарю шанс поднатаскать меня по различным аспектам швейцарской жизни. Раз уж вы такой знаток альпийских лугов, ловушек следователей и вообще всего в этом странном мире. Тогда Платошка сможет приставать ко мне со своими мерзкими вопросиками до посинения, а толку всё равно не добьется. Я, со своей стороны, обещаю вам пересказывать наши с ним беседы подробно, выразительно и с употреблением эпитетов вроде «стоеросовый Шварц», «дурилка платонная» и так далее. Гарантирую, что будет веселее, чем ток-шоу «Всемогущего». В моем скромном лице вы получите уникальную программу «Платон отшит», или «Платон умыт», или «Олух из Трёшки», над названием еще можно подумать... А за потрясающую возможность проучить вашего злейшего врага я попрошу совсем немного: «Ореховый взрыв» каждое воскресенье, плюс вы мне рассказываете, что там за секретное задание вы выполняли в Швейцарии. А то мне любопытно, что вы там могли такого натворить, что вас понизили до нашего убогого От-

деления.

Граф неожиданно рассмеялся. Жаль, что делал он это так редко, поскольку смех у него был приятный, а лицо в этот момент казалось юным и словно бы освещенным изнутри.

– А вас, Елизавета Андреевна, голыми руками не возьмешь! Теперь я начинаю думать, что даже Платону будет трудно вато к вам подступиться.

– Правильно, не надо вообще меня брать, а тем более голыми руками. Ну что, Александр – я ведь могу вас так называть, вы мне разрешили, – договорились? А? Скажите «да». Ну, скажете? «Да» – это всего две буквы, гораздо легче выговорить, чем «нет» – там целых три.

– Сударыня. – Граф наклонился к ней через стол. На лбу появилась вертикальная морщинка. – Елизавета. Давайте так. Я согласен. Я говорю «да», и неважно, сколько в этом слове букв. Вы нужны Седьмому отделению. Вы свежим ветром ворвались в нашу унылую жизнь, как бы ни банально это звучало. – Светло-голубые глаза были внимательными и серьезными. – Конечно, я помогу вам выкрутиться. Но я должен знать – из чего.

Лиза быстренько прикинула круг посвященных в ее истинную историю: Филипп Петрович – раз, Аврора – два. Ну, еще Пуся. Пока не так уж много. Очевидно, что без графа Александра, эксперта по швейцарским нюансам, ей будет архисложно удержаться в Личной Канцелярии, переполненной следователями и спецагентами всех мастей. Даже если речь

идет о каких-то неделях до телепортации. Вот обидно будет, если ее арестуют за пару минут до возвращения домой!

– Ладусики, граф, – решила она, – пристегните ремни покрепче, потому что вас ждут серьезные эмоциональные перегрузки.

Далее Лиза в красках описала свое внезапное путешествие между мирами, в лицах показывая Пусю, себя, чугунных львов, Филиппа Петровича и прохожих на гироскутерах. Она подпрыгивала на диванчике, подбегала к фонтану, чтобы намочить шарф для пушшего эффекта, и рычала, как собака Мяурисио.

Граф Александр сосредоточенно слушал, закутавшись в плащ. Время от времени он прерывал ее будто бы случайными вопросами вроде: «Так во сколько вы вышли из дома? Вы говорите, в тот день с самого утра шел дождь со снегом? Простите, я не расслышал, как называлась клиника, в которой вы работали на родине? Просто ради интереса – и сколько соседей у вас было по коммунальной квартире?»

Наконец Лиза охрипла, а фон Миних глубоко задумался.

– Вы мне не верите, граф?

Он откинул со лба вольные пряди.

– Не должен бы верить, сударыня, но... Сейчас во мне говорит романтик. «Ночь, тайн создания не тая, бессчетных звезд лучи струя, гласит, что с нами рядом – смежность других миров, что там – края, где тоже есть любовь и нежность, и смерть и жизнь, – кто знает, чья?..»

– Вот и ладусики, – обрадовалась Лиза. – Тогда я закажу еще кофе – вы ведь всё еще угощаете меня? – а вы расскажите, как докатились до нашей Семёрочки.

Глава 10

Граф рассказывал сухо и без своих обычных лирических отступлений. Видно было, что повествование дается ему тяжело. Суть же была такова: два года назад грозный Ренненкампф выбрал Шварца и фон Миниха для спецзадания в Швейцарии – как лучших агентов Третьего отделения, да к тому же имеющих предков-европейцев. Платон и граф Александр должны были слиться с окружением, а затем эвакуировать из «обители коммунизма» местного писателя-диссидента по фамилии Лустенбергер. Парни долго планировали спасение своего подопечного, однако в конце концов операция закончилась полным провалом. Агентов раскрыли и выслали из страны (еще легко отделались), а беднягу-диссидента упекли за решётку.

– Великие антибиотики... Ну и дела... А почему Платон так настойчиво выпытывал у меня координаты подкопа?

– Да, где-то в Швейцарии существует тайный тоннель, ведущий на территорию свободной Германии. Мы были так близки к разгадке его местонахождения! – Граф стукнул кулаком по столу. Чашки жалобно зазвенели, очередной лимончик оторвался от мини-деревца и покатился по столу. – Сейчас про подкоп знают единицы, но он мог бы спасти тысячи жизней. Тогда не только Лустенбергер, но и все его единомышленники сумели бы выбраться из швейцарской клет-

ки! Я поставил всё на этот тоннель... И проиграл.

– Да бросьте, граф, уверена, вы тут ни при чём.

– О, сударыня, как бы я хотел, чтобы вы были правы...

И как вы ошибаетесь. Дело было вечером первого августа, в день Трудового Подвига Жана Поля Готье, национального героя...

– Жан Поль Готье? – поразилась Лиза знакомому имени. – И что за трудовой подвиг он совершил? Скроил за один день двадцать платьев? Сочинил за один час шестьдесят видов парфюмерных ароматов? На частной вечеринке знаменитостей выпил залпом восемь коктейлей на основе кампари и мартини россо?

– Готье был шахтером, перевыполнившим план по добыче угля в пятнадцать раз, – сообщил граф. – Так что никаких кампари и платьев. Только грязная тяжелая работа под землей. В честь праздника швейцарцы зажигают огромные костры на холмах, потом углями мажут себе лица – «в стиле Готье», всё это выглядит до крайности дико... Операция по спасению Лустенбергера была запланирована на следующее утро, в шесть ноль семь второго августа. Расчет был в том, что швейцарские пограничники после большого праздника пребывают в похмельном тумане, досмотр в первые утренние часы производят поверхностно и невнимательно. Мы собирались вывезти писателя *внутри* пассажирского сиденья нашего автомобиля – долго работали над пустотелой конструкцией спинки, усиливали ее, сверлили дырочки для ды-

хания... Однако за несколько часов до старта один наш хороший знакомый дал нам понять, что следующим вечером он сможет отвести нас к тоннелю. Я помню его восторженное лицо в отблесках средневекового костра... Вы понимаете, перед какой дилеммой мы оказались? Либо мы, как и планировали, уезжаем утром второго августа и спасаем одного человека. Либо остаемся до вечера и тогда получаем возможность спасти всех диссидентов страны... Или ничего, если тоннель мы не найдем. При этом с каждым часом бдительность пограничников возрастала, а это значит, что и шансы на успешную эвакуацию Лустенбергера в той же прогрессии уменьшались...

– А разделиться вы не могли? Один бы вывез этого деятеля с непроизносимой фамилией, второй бы остался и разведал, где находится пресловутый тоннель.

– Невозможно. Устав Личной Канцелярии, да и обыкновенная порядочность, в конце концов, запрещают оставлять партнера в опасной ситуации. Как бы я ни относился к Платону, но ни он, ни я не смогли бы бросить напарника одного в швейцарском аду.

– Лично я ничего такого в этом не вижу, но меня, конечно, никто не спрашивает... И что вы в итоге решили?

– Я предложил рискнуть и остаться еще на один день. Но Платон отказался менять план Ренненкампа. Он сказал, это грубое нарушение должностных инструкций и, если я стану настаивать, ему придется телеграфировать Рен-

ненкампфу об изменениях в программе. Я сказал, что не стоит давать телеграмму именно сейчас, это слишком опасно, отчитаемся потом, по факту. Мы поссорились. Он всё же сделал по-своему. Отправил Рененкампфу зашифрованную телеграмму. Её перехватили швейцарские спецслужбы. Разгадали шифр... Нас всех задержали той же ночью. Самого Платона, меня и Лустенбергера. К счастью, наш знакомый, который должен был отвести нас к тоннелю, сумел скрыться от погони. Наверное, в том самом тоннеле он и спрятался. Остальное вы знаете.

– Не пойму одного: почему из Трёшки выкинули вас, а не Платона, из-за которого всё сорвалось?

– Рененкампф – большой поклонник железной дисциплины, сударыня. Ему бы родиться в древней Спарте, а не в нашей свободомыслящей империи... Он решил, что я не имел права отступать от утвержденного, просчитанного плана спасения Лустенбергера. Если бы я не проявил упрямство – не было бы роковой телеграммы – операция бы не сорвалась. По мнению Рененкампфа, *сначала* нужно было эвакуировать диссидента, а только потом браться за следующую операцию.

– Вот это ерундистика! Просто курам на смех! Вы же хотели сделать добро многим людям.

– Да, а в итоге не сделал даже одному человеку. – Граф опустил голову. – Понижение и выговор – не самое страшное, Елизавета Андреевна. Я, лично я виноват в том, что Лу-

стенбергер сейчас томится в сырых застенках швейцарской тюрьмы. Я не должен был позволить Платону послать ту телеграмму.

Он сжал валявшийся на столе лимончик так, что едкий сок брызнул во все стороны, в том числе и Лизе в глаза. Этот инцидент несколько оживил кислую обстановку. Еще больше оживили ее Лизины витьеватые медицинские ругательства, среди которых «да какого гидрохлортиазида?» и «во имя реабсорбции ионов в дистальных канальцах нефрона!» были самыми невинными.

Граф, бормоча извинения вперемешку со стихами, бросился набирать фонтанную воду в чашку из-под чая, намочил в фонтане плащ, не заметил этого, разлил фонтанную воду из чашки Лизе на колени, завел длиннющую, полную раскаяния речь под заголовком «Могу ли я надеяться, что вы когда-либо простите мою неуклюжесть?», – однако довести выступление до конца ему помешали Перстни, его и Лизин, синхронно пискнувшие на весь зал.

– Сядьте же наконец на место, граф, – с досадой сказала Лиза, пытаясь салфетками высушить свои многострадальные легинсы. – Одного сюрпризного душа в месяц мне более чем достаточно. Что там пришло за сообщение?

– От Авроры – пишет, Седьмое Отделение только что поднялось на четвертое место в Рейтинге Отделений Личной Канцелярии... Грандиозно! Поздравляю, сударыня! Заказать вам еще что-нибудь?

Полученное Лизой сообщение содержало ту же отличную новость, только в конце вредная Аврора еще приписала: «Ты всё ближе к телепорту, Лиззи. Помни о диете, бейби!!! Стоп блинам и пирожкам!!! Толстуху в другой мир не пустят, ха-ха».

Поэтому, исключительно в знак протеста, Лиза ответила графу:

– Что? Да, закажите-ка мне еще парочку блинов с собой и кофе на вынос, я честно заслужила.

Продолжение приключений Лизы – в романе «Кнъш и пиво» (серия «Уютная империя», цикл «Ищейки Российской империи», книга 5).